

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 14 МАЙ 1989

Рисунок И. НОРИНСКОГО.

Крокодил берет интервью у Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Стр. 2.

КРОКОДИЛ

№ 14 (2636)
май 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Е. Гуров, Р. Друкман, Г. и В. Караваевы, В. Луговкин, В. Мохов, И. Норинский, С. Репьев, С. Спасский, Л. Филиппова.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 10.04.89.
Подписано к печати 17.04.89.
А 08835.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1—2 600 489).
Зак. № 470.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). зак. 1840

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

МИНИСТРУ СВЯЗИ СССР В. А. ШАМШИНУ

Уважаемый Василий Александрович!

Вынужден на несколько минут оторвать Вас от важных государственных дел. Думаю, что повод для столь дерзкой акции достаточно основательный: несколько сотен читательских писем, свидетельствующих о том, что Вы и ваше министерство меня совсем не любите, а моих подписчиков ни в грош не ставите.

Знаю, знаю, что и в прежние годы положительных эмоций Ваше ведомство ко мне не питало, однако хоть в некоторой взаимности не отказывало: пусть с грехом пополам, но доставляло мой журнал в грады и веси. А вот такого безобразия, какое творится нынче, даже в застойные времена не припоминаю.

Думаете, преувеличиваю? Нет, Василий Александрович, стараюсь изо всех сил сдерживать эмоции, дабы не наговорить Вам лишнего. А вот читатели мои от этих политесов свободны. Послушайте, что они говорят. Думаю, Вам это будет интересно.

«У меня возникло сомнение: издается ли сейчас ваш журнал, хватает ли бумаги, или, наоборот, не хватает полиграфических мощностей, как ранее пыталось объяснить ограничение подписки Министерство связи СССР? А мое сомнение возникло не беспочвенно: сегодня уже 15 февраля, а я как подписчик Вашего журнала не получил ни одного экземпляра, хотя подписался заранее, в августе 1988 г.» *(Б. Борискин, Якутская АССР.)* «Крокодил! Ау!! Где ты? 25 января получил первый номер. С тех пор тебя больше нет. Что с тобой?» *(Н. Тауткене, Барнаул.)* «Крокодил! С этим что-то делать надо, надо что-то предпринять! Нами, твоими подписчиками, получен только первый номер! Крокодил, помоги своим подписчикам!» *(Г. Михайлова, Ярославль.)* «Здравствуй, Крокодил! Посодействуй, помоги, если можешь! Много лет я являюсь твоим подписчиком, уважаю и люблю тебя. Но такое безобразие, что творится в этом году с доставкой журнала, ни в одни рамки не лезет. Я возмущен, все во мне клокочет... Вот тебе, Крокодил, и вся тут перестройка. Видишь, как любят твой журнал: все делают, чтобы ему, бедолаге, труднее было дойти до своего адресата». *(Е. Андреев. Саратовская обл.)* «Товарищ главный редактор! Прошу Вас вернуть мне деньги, которые я истратил на подписку «Крокодила», так как я не получил еще ни одного номера...» *(В. Катечкин, Иваново.)* «Уважаемые товарищи! Прошу объяснить, в чем причина, что подписчики, в том числе и я, получили только первый номер вашего журнала? Кто в этом виноват и как это дело сдвинуть с мертвой точки? Кто заинтересован, чтобы журнал не доходил до читателя?» *(Н. Табаков, Барнаул.)*

Тут я прерву цитирование писем, ибо хочу прямо и без обиняков переадресовать эти вопросы Вам, Василий Александрович. Согласитесь, что более компетентного в данном вопросе человека во всей стране не сыскать. При этом хочу подчеркнуть, что не прошу, а от имени моих подписчиков ТРЕБУЮ оперативно и конструктивно ответить всем, кто по вине вашего министерства усомнился даже в самом существовании журнала! Конечно, логичнее было бы усомниться в существовании Министерства связи, но, по наведенным мною справкам, оно существует. Стало быть, вопросы по адресу. И те, что приведены выше, и еще сотни других, которые задают мне возмущенные читатели.

Говоря по-шекспировски, неладно что-то в вашем министерстве, Василий Александрович, коли на пятом году перестройки демонстрирует оно такую блистательную недееспособность в вопросах, которые вполне успешно решались еще в прошлом веке, когда почту возили на лошадях. Неладно что-то и в моих с Вами отношениях, если на выступления журнала по поводу некоторых деяний вашего ведомства я не получаю не то чтобы делового ответа, но даже и традиционной застойной отписки.

Надоело, Василий Александрович, выступать в роли просителя и ходока от имени миллионов моих подписчиков, на деньги которых в том числе безбедно живет ваше ведомство, не выполняя при этом взятых на себя обязательств, своих прямых служебных обязанностей.

Из рук вон плохая работа соответствующих служб Министерства связи СССР и подведомственного ему Минсвязи РСФСР, осуществляющих доставку периодических изданий, наносит невосполнимый ущерб журналу, подрывает его авторитет у читателя, лишает нас подписчиков. И совсем не с потолка берет читатель свои вопросы: кому выгодно, чтобы январские номера сатирического журнала приходили к адресатам в мае? Кто заинтересован в том, чтобы падал тираж «Крокодила»? Кому столь любезны пресловутые лимиты на гласность? Сколько все это будет продолжаться?

В заключение уведомляю Вас о том, что не процитированные мною более 600 писем читателей я направил на Ваше имя в Министерство связи СССР с курьером, ибо не уверен, что почта доставит их своевременно. Надеюсь, что они будут прочтены со вниманием и пользой.

С уважением КРОКОДИЛ.

Крокодил привык все подвергать сомнению. Вот и теперь усомнился в утверждении, что Салтыков-Щедрин умер 100 лет назад. Нет, не цифра «сто» его смущает, а сам факт ухода писателя в лучший мир. Более того, Крокодил решил доказать: великий сатирик жив! Не верите? Убедитесь сами!

Беседа с Михаилом

— Как вы можете охарактеризовать состояние современного человека?

— Никто не предвидел, что наступит момент, когда каждому придется жить за собственный счет. И когда этот момент наступил, никто не верит глазам своим; всякий ощупывает себя, словно с перепоя...

— Теперь кажется: чего мы ждали? Ведь именно так все и должно быть...

— А ведь какие были твердыни, и какого переполоха надлежало ожидать от их падения! И ничего! Не только ничего, а как будто бы этих твердынь совсем не бывало!

— А не слишком ли медленно идут преобразования?

— В такое короткое время — и такой прогресс! — какой организм это выдержит! А вы не только выдерживаете, но еще говорите: мало!

— Но согласитесь, что недовольных и сейчас предостаточно!

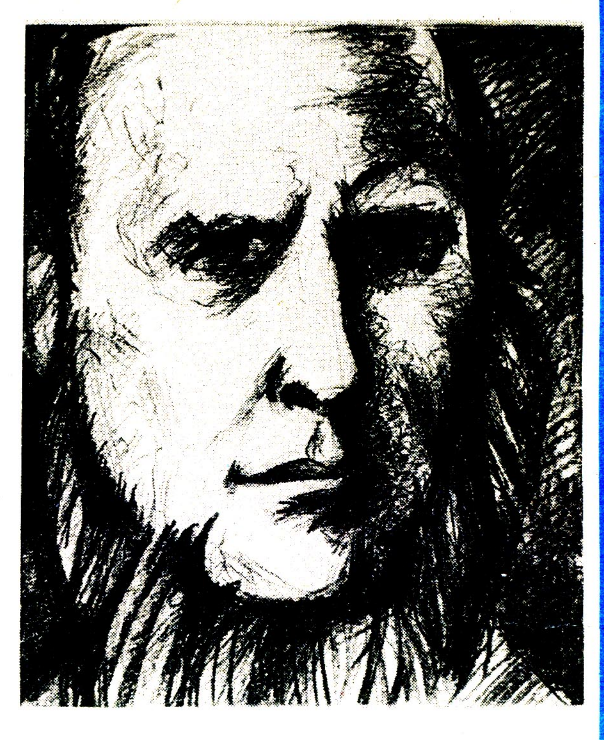
— Надо сказать правду, в России в наше время очень редко можно встретить довольного человека... Кого ни послушаешь, все на что-то негодуют, жалуются, вопиют. Один говорит, что слишком мало свобод дают, другой,— что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует, другой — на то, что власть чересчур достаточно действует; одни находят, что глупость нас одолела, другие — что слишком мы умны стали... Даже расхитители казенного имущества — и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет.

— До сих пор сильны все те же опасения — «как бы чего не вышло». В чем это проявляется наиболее ярко?

— Возьмите самые простые сельскохозяйственные задачи, предстоящие культурному человеку, решившемуся посвятить себя деревне, каковы, например: способы пользоваться землею, расчеты с рабочими, степень личного участия в прибылях...— разве все это не находится в самой несносной зависимости от каких-то волшебных веяний...? А между тем эти веяния застигают человека и в самом процессе его деятельности и во всех последствиях этого процесса... Сегодня, видя человека, которому тяжело дышится, вы великодушно говорите: надо ему помочь! А завтра, едва только начал этот человек дышать легче, как вы

„В России в наше время"...

Евграфовичем Салтыковым-Щедриным в читальном зале Крокодила

Офорт Евгения МАЦИЕВСКОГО.

уже сердитесь и восклицаете: надо его подтянуть! Ясно, что при такой неустойчивости взглядов и чувств не может существовать... доверия к будущему... А, наконец, слухи о предстоящем финансовом возрождении... потому что ведь и умирать не совсем ловко, когда не умеешь ясно ответить на вопрос: что такое рубль?.. Вы думаете: рубль — это денежный знак... Чтоб сделаться денежным знаком, рубль должен еще заслужить.

— Что вы считаете основным условием успешного государственного развития?

— Три фактора... должны лежать в основании всякой общественности: свобода, обеспеченность и самодеятельность. Ежели общество лишено свободы, то это значит, что оно живет без идеалов, без горения мысли, не имея ни основы для творчества, ни веры в предстоящие ему судьбы. Ежели общество сознает себя необеспеченным, то это налагает на него печать подавленности и делает равнодушным к собственной участи. Ежели общество лишено самодеятельности, то оно становится неспособным к устройству своих дел и даже мало-помалу утрачивает представление об отечестве.

— Но консерватизм, который и доныне существует...

— Нам все еще чудится, что надо нечто разорить, чему-то положить предел, что-то стереть с лица земли. Наши так называемые консерваторы суть расточители по преимуществу. Вселенная кажется им наполненною скоровоспламеняющимися элементами, состоящими из козней, крамол и измены.

— Не отсюда ли и острая боязнь всего «заграничного», «западного», установка на неприятие «чужеродного загнивания»?

— Мнения, что Запад разлагается, что та или другая раса обветшала и сделалась неспособною для пользования свободой, что западная наука поражена бесплодием, что общественные и политические формы Запада представляют бесконечную цепь лжей, в которой одна ложь исчезает, чтобы дать место другой,— вот мнения, наиболее любезные Митрофану...

— К счастью, современных Митрофанов становится все меньше! Давайте оборотимся, так сказать, на себя. Та же бюрократия... Разве не обманываем мы себя, как бы не замечая того, что и поныне бюрократов хоть пруд пруди? И сами-то бюрократы уже над собой смеются, а поди ж ты — существуют!

— Представить себе русского бюрократа, который относился бы к себе самому яко к бюрократу, без некоторого глумления, не только трудно, но даже почти невозможно. А между тем бюрократствуют тысячи, сотни тысяч, почти миллионы людей... Миллион людей, которые сами на себя без смеха смотреть не могут,— разве это не интересно?

— Зато умения подчиняться дисциплине у них не отнимешь...

— В сфере бюрократии дисциплина есть сама по себе система. Ты исполнитель — и ничего больше...

— Утешает ли вас история?

— Утешает ли история? Что я скажу? Ведь я даже мыслить принципиально, без вводных примесей разучился. А так как процесс нарастания правды трудный и медлительный, то встречаются поколения, которые нарождаются при начале битья, а сходят со сцены, когда битье подходит к концу... Какой горькой иронией должен звучать для этих поколений вопрос об исторических утешениях!

— В чем состояла суть минувшей эпохи «битья»?

— Обывателя надо сначала скрутить,— говорили тогдашние генералы,— потом в бараний рог согнуть, а наконец, в отделку, ежовой рукавицей пригладить. И когда он вышколится, тогда уж сам собой постепенно отдышится и процветет... Обыватели не в свое дело не суются, пороху не выдумывают, передовых статей не пишут, а живут и степенно блаженствуют. В будни работу работают, в праздники — за начальство бога молят.

— Но откуда бралась такая покорность, откуда убеждение, что так-то все и должно быть?

— Бывают такие печальные моменты в истории личного человеческого развития, когда человек доходит до уразумения целого порядка явлений, которым можно ТОЛЬКО подчиниться... Мы приобретаем убеждение, что в жизни нет того противоречия, которое не было бы строго согласовано с другими противоречиями, нет той горькой неправды, которая не объяснялась бы неправдою еще горчайшею. Наконец, мы приобретаем способность ничем не возмущаться, ни перед чем не раскрывать удивленных глаз. Можно ли, по совести, назвать такие приобретения драгоценными?

В этой нескончаемой сети неправд и противоречий человеческая личность сглаживается и исчезает... Встает целый порядок, целый строй, который захватывает и правых и виноватых, и преследующих и преследуемых, и гонителей и гонимых... Кажется, что может быть проще мысли, что жизнь в среде людей довольных и небоящихся гораздо удобнее, нежели быть окруженным толпою ропщущих и трепещущих несчастливцев... [Но] сколько еще встречается на свете людей, которые убеждены, что с жиру человек может только беситься, и что поэтому самая мудрая внутренняя политика заключается в том, чтобы держать род людской в состоянии более или менее пришибленном!

— Мы много говорим сейчас о нашем невежестве, о нашей отсталости, о плохих условиях жизни... Кто он, человек, сумеющий это изменить, человек будущего?

— Кто, как не человек подвига, бодрости и почина! С каждым годом борьба с жизнью становится труднее для эмпириков и невежд...

Вопросы великому сатирику задала Наталия ГРАЧЕВА.

P. S. Дабы не сомневаться в истинности ответов великого сатирика, советуем глубокоуважаемому читателю еще раз обратиться к следующим его произведениям: «Либерал», «Тени», «Убежище Монрепо», «За рубежом», «Для детей», «Господа ташкентцы», «Письма к тетеньке», «Современная идиллия», «Благонамеренные речи», «Письма о провинции»,— а также ко всем остальным, вошедшим в полное собрание сочинений.

«ОРГАНЧИК» Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

Н. РЫНДИЧ, специальный корреспондент Крокодила

МЕЖДУГОРОДНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Недавно в Краснодаре мне ужасно захотелось пельменей. Может командированный позволить себе этот маленький каприз? Зашел в магазин № 60, что на улице Красной. Пельменей не было.

— Если бывают, то не залеживаются,— улыбнулась продавщица.

В магазине № 7 «Продукты» Октябрьского райпищеторга мне сказали то же самое. Только без улыбки. Столь же безрезультатно я посетил еще несколько магазинов. Да, это, видимо, проблема, надо разбираться. Пойду-ка на Краснодарский мясокомбинат.

— Мы не можем насытить город пельменями,— грустно пояснил мне при встрече главный инженер мясокомбината А. Запорожский.— Нет такой возможности...

В общем, напрасно я бегал по магазинам, дергая продавцов.

Но знаете, чего более всего боятся руководители мясокомбината? Вида гонимого на сдачу стада. Глухой топот копыт вселяет в мясопереработчиков смятение. По всему комбинату гремят телефонные звонки громкого боя и засовы. Стремительно закрываются входные и выходные ворота. Комбинат превращается в цитадель, проникнуть в которую не сможет даже стадо разъяренных быков.

Скот почтительно замирает в некотором отдалении от ворот мясокомбината. К воротам бежит представитель хозяйства, пригнавший скот. Для него оставлена щель, позволяющая протиснуться сдатчику средней упитанности.

Руководители мясокомбината ему вежливо объясняют, что сегодня о приемке скота не может быть и речи. Придется подождать несколько дней.

Удрученный сдатчик возвращается к своим подопечным и устраивается перекусить, вскрыв бутылочку «Буратино» и банку килек с перловой крупой, прихваченные в дорогу в сельмаге. Стадо ужинает свежим воздухом, насыщенным запахом вареных колбас. Воздуха здесь в изобилии, колбасного аромата тоже, но вот воды нет.

Коровы, как балерины, садятся на жесточайшую диету и теряют в весе такими темпами, какие не снились ни одной кинозвезде. За 2—3 суток лишнего простоя у ворот комбината, к примеру, стадо в 600 голов теряет более 2000 килограммов веса!

Вот здесь-то и пропадает то самое мясо, которого не хватает на пельмени.

Ну, а теперь традиционный вопрос: почему не принимают скот?

Если заглянуть внутрь Краснодарского мясокомбината, вопрос отпадет сам собой. Предприятие построено в 1929 году, в год, так сказать, великого перелома, с той поры ни разу не знало капитального ремонта и напоминает полигон для испытаний оборудования на прочность. Слова «модернизация» и «реконструкция» звучат здесь не чаще, чем краковяк в крематории. Машины работают, пока не наступит их перелом. Вот полетела шестерня в редукторе, треснул вал, завалился транспортер — останавливается оборудование мясокомбината, прекращается и приемка скота: нечем его перерабатывать. Не так давно по причине ветхости завалился ливеро-паштетный цех.

В других цехах потолки на подпорках. Тесны камеры охлаждения мяса: в емкость, рассчитанную на 155 тонн, набито 240.

Всюду крошится бетон. «Шубу» в холодильнике оттаивать нельзя: разваливающийся бетон потолка держится только на заморозке.

А вот и пельменный цех — царство ручного труда. Фасовка пельменей в коробки — вручную. Машины для сшивания коробок то и дело «зашиваются» и останавливаются. Фаршефасовочный аппарат жить не может без механика-наладчика...

Да, полакомиться пельменями в Краснодаре не удастся. И уж купить свободно килограмм говядины тем более.

Нельзя сказать, что отцы города не думают о мясокомбинате. Они то и дело обращаются в вышестоящие инстанции с просьбой о плановой реконструкции предприятия. Отцы живут трепетной мечтой о добром дяде, обретающемся где-то там, «наверху», который в один прекрасный день вдруг позаботится о Краснодарском мясокомбинате и предоставит все необходимое — средства на ремонт, новое оборудование, надежного подрядчика. Правда, «дядя» что-то не спешит, а комбинат тем временем распечатал свой седьмой десяток лет. Как говорится, под лежачий камень... Но в отцах города живо спокойствие мудрецов. Их точка зрения в этом вопросе неколебима, как фундамент мясокомбината.

Не дают «сверху» средств на реконструкцию предприятия? Зайцу ясно, почему. Ой как много таких мясокомбинатов в стране! Всем нужен ремонт, все вопиют о помощи. Но казна не волшебная шкатулка, на всех не хватит. Мы не лучше других, а сами не в состоянии ничего сделать, и, значит, печальна наша судьба и не отмечена созвездием Быка и Козерога. А посему надо забыть про мясо и нажимать в основном на спинку минтая. Созвездие Рыб к нам пока более благосклонно...

Видимо, примерно так рассуждают отцы Краснодара, и потому моя скромная фантазия полакомиться здесь пельменями оказалась несбыточной.

С чувством глубокого неудовлетворения покидал я Краснодар. Неотложные дела звали меня в Калугу. Кстати, говорят, тамошний мясокомбинат тоже претендует на статус памятника старины, а пельмени из Москвы поставляют электропоезда-экспрессы...

(Продолжение на стр. 6.)

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

...Заседание суда шло своим чередом. Председательствующая А. Павлова допрашивала подсудимую.

— Вы признаете себя виновной в дискредитации министерств и ведомств в своих фельетонах? Например, в фельетоне «Вальс на волнах» вы обвинили Министерство рыбного хозяйства СССР в бесхозяйственности и разгильдяйстве при постройке судна-катамарана, что повлекло ущерб около двух миллионов рублей. Было такое?

— Было.

— А в дискредитации Госкомиздата СССР признаетесь? В фельетоне «Попали в переплет» вы привели доводы, что в книгопечатании и книготорговле это ведомство допускает методы проб и ошибок. Помните ехидную концовочку этого фельетона: «Когда вагоновожатый ищет новых путей, вагон сходит с рельсов»? Это что, намек? Не вы ли, подсудимая, теперь и «попали в переплет»? Что, скажите, пожалуйста, после таких выступлений осталось от авторитета ведомств?

— Не знаю, — прошептала подсудимая. — Что осталось от авторитета, я даже приблизительно сказать и подсчитать не могу: ни в процентном, ни в долевом отношении. Но ведь в народе говорят, что критика — это лекарство: горькое, зато полезное.

...В обвинительной речи прокурор как дважды два доказал, что критические выступления подсудимой нашли отклик в письмах читателей, которые требовали наказать бюрократов за плохое ведение дел. Значит, заключил прокурор, дискредитация, то есть урон авторитета, ведомств налицо. И прокурор попросил суд припаять подсудимой три года лишения свободы, и ни одним днем меньше!

Речь адвоката была краткой. Он принес словарь иностранных слов (издание 1988 года) и зачитал на странице 168, что дискредитация — это «лишение доверия, подрыв, умаление авторитета». Закон, сказал адвокат, а именно статья 74[1] Уголовного кодекса РСФСР в новейшей редакции, соответствующей статье 11[1] Указа Президиума Верховного СССР от 8 апреля 1989 года, предусматривает строгую уголовную ответственность за дискредитацию. Но что такое «дискредитация», в законе не раскрыто. О ней сказано лишь в словаре. Однако судят ведь не по словарю, а по закону. Поэтому ввиду возникшего и совершенно очевидного несовершенства закона — его расплывчатости и возможности толковать и так и сяк — я прошу не лишать подсудимую свободы, а приговорить ее к штрафу в размере сумм гонораров, полученных за эти фельетоны. Пусть вернет казне деньги!

Председательствующая и народные заседатели не были специалистами по части языкознания, однако в отношении буквы закона были доками. Поэтому, признав подсудимую виновной, приговорили ее к штрафу на всю катушку — в две тысячи рублей.

Приговор публика встретила аплодисментами...

А теперь раскроем маленький секрет. Не было такого процесса. Хотя бы потому, что автор фельетонов А. Павлова и судившая ее заслуженный юрист РСФСР, а в прошлом судья Аза Ивановна Павлова — одно и то же лицо. Но это, так сказать, деталь. И суть, конечно, не в этом.

Суть в том, что судья, вынужденный применять закон с неоднозначным толкованием, может совершать тяжелейшие ошибки и упечь в тюрьму невиновного.

Так, формулировка о запрете дискредитации высших органов власти, должностных лиц и общественных организаций позволяет привлечь к уголовной ответственности за самые различные критические выступления — на собрании, в печати, по телевидению. Критика ведь предполагает обнажение недостатков и тем самым умаление авторитета должностных лиц (как выбранных, так и назначенных!), то есть дискредитацию, как они это охотно истолкуют.

Как ни печально, но в связи со статьей 11[1] (в той форме, как она сейчас изложена) могут возникнуть зоны и личности вне критики. Отсутствие ясности создает труднопреодолимые препятствия в работе журналистов. Уже в день публикации Указа крокодильцы обменивались такими репликами: «Как теперь работать?», «Суши перья!».

Ну, а юристам тоже не легче. Им ведь надо разрешать дела так, чтобы наряду с экстремистами не оказались наказанными авторы критических статей и выступлений.

Так что без разъяснений и уточнений Законодателя невозможно работать уже сегодня.

...А гонорар за фельетоны придется пока поберечь. Может пригодиться для уплаты штрафа. Ведь и эта публикация тоже критическая...

А. ПАВЛОВА, заслуженный юрист РСФСР.

— Запомни: плюрализм — это делай, как я велю, но можешь остаться при собственном мнении.

Рисунок Е. ГУРОВА.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

— Дождались мы все-таки, Семен: землю давать начали...

Рисунок В. МОХОВА.

Рисунок А. ПШЕНЯНИКОВА (г. Днепропетровск), представленный на конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

См. стр. 4.

МЕЖДУГОРОДНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Вот я и в Калуге. Что мне известно о ней? Великое стояние войск на реке Угре — раз, родина Циолковского — два. Что еще? Ничего более на память не приходит: в голове одни краснодарские «пельмени».

Кстати, Калуга тоже никогда особо своими мясопродуктами не славилась. Может, зайти на Калужский мясокомбинат? Но что можно увидеть там? Слепые, мутные оконца, не мытые с сорокового года? Ржавые балки и облупленную штукатурку? Измученных ручным трудом людей в резиновых сапогах и мокрых фартуках? Нет, хватит. Пройду по магазинам, и все станет ясно.

Вон, кстати, через дорогу фирменный магазин «Мясо». Сейчас мы его и проверим. Есть ли что-нибудь в его витринах-холодильниках, кроме градусников?

Вроде что-то есть. Потому как очередь. Небольшая. Спокойная. Без риска вместе с товаром заполучить группу инвалидности. Дают говядину по 2 рубля кило! Интересно. До Москвы целых 4 часа на электричке, а в госмагазине — говядина. Еще что? Суповые наборы, свиные ножки, сосиски, колбасы двух сортов. В чем дело? Не кооператив ли это?

— Мясной кооперативный на этой же стороне улицы через два дома,— любезно объяснила мне одна из покупательниц.

А пельмени, мои любимые пельмени? Может, и они есть? Вот еще один прилавок. Возле него пусто. Скучающий продавец. А за стеклом витрины-холодильника... пельмени! «Русские»! В больших коробках, в неограниченном количестве, бери не хочу... Тысяча и одна ночь! Может, случайность?

Переждал день и совершил еще один рейд. Пельмени и колбаса были почти во всех продуктовых магазинах.

Для полноты картины решил прогуляться и по кооперативным магазинам. Там лежали горы мяса всех сортов, вплоть до парного, и завал колбас 12—13 видов. Очереди никакой. Потому что все же дороговато.

Интересно, давно такое происходит? Оказалось, недавно. Еще года два назад было совсем по-другому. Тогда назрела экстремальная ситуация с мясом вообще и с пельменями в частности.

Калужский горком партии и горисполком созвали совещание по мясоснабжению города, на которое пригласили руководителей всех городских предприятий.

На совещании выяснились интересные детали. Оказалось, что потребителями мяса в основном являются рабочие предприятий города, руководители которых собрались на совещание. Было высказано мнение, что, поскольку производительность рабочего, съевшего, к примеру, пару котлет, на несколько процентов выше, чем у несъевшего, а мясокомбинат находится на последнем издыхании, то надо срочно что-то делать.

Договорились реконструировать мясокомбинат методом народной стройки. Всем миром. Без остановки производства, но с полным соблюдением санитарии.

Городские власти призвали около 40 предприятий города сделать, кто что может. Каждому выделили на мясокомбинате участок для работы со сроками и ответственностью за исполнение. Я сам видел, как старались посланцы предприятий,— для себя ведь, для своих семей трудились.

Отделочники объединения «Калугастрой», взгромоздившись на леса, покрывали белоснежной краской потолок кишечного цеха. Рабочие треста «Калужтрансстрой» и монтеры пути подрядились построить цех по переработке субпродуктов, на полу которого уже возникла красочная мозаика из плиток. Трест «Агропромспецстрой» вплотную занялся ремонтом холодильника, а объ-

---

Николай САМОХВАЛОВ, специальный корреспондент Крокодила

ПОТУСТОРОННЕЕ

Как штрафники пошли в гору

В тихом райцентре громок всякий чих. И служебная, и личная кухня — на блюдечке. Здесь и комару не укрыться от пристального общественного надзора.

А вот проворонили. В маловишерском райпо любо-мило служила секретарь-машинистка Гаврилова, а никто не мог рассказать, каким лаком красит ногти: цвета свеклы «Евгенией» или перламутровым парижским «Ланкоме». Не знали, какому варенью оказывает симпатию, чаевничая: клюкве или бруснике, протертой с сахаром, ибо Гаврилову никто не видывал в глаза. Даже самому председателю райпо Дячуку не удавалось обмолвиться со своей секретаршей. Невзирая на это, таинственная Гаврилова вскоре пошла на выдвижение — сделалась хозяйкой склада 5«а». Люди не имели понятия, когда она отпирала замки, но невидимая работала примерно, так как отмечалась премиями.

Мистическую завесу приподняла старший бухгалтер Калабина. Откликаясь на время гласности, бухгалтер информировала конференцию районного потребительского общества, что заместитель председателя по кадрам Лиманская, используя власть, оформила на работу неодушевленную трудовую книжку мамы. Саму владелицу книжки узреть было фантастично: она живет в другом райцентре, в Чудове, а зарплату и премии получала самолично Лиманская. Как говорится, брат братом, сват сватом, а денежки не родня.

И тут, естественно, вседворно ахнула тихая Малая Вишера: Лиманская — жена прокурора Лиманского — правонарушитель?!

О потребительской мистификации поведала районная пресса (а потом вскользь и центральная — смотрите «Крокодил» № 15, 1988).

А что же в райпо? Протерли глаза? Да, как после очистки лука. И в другом свете увидели старшего бухгалтера Калабину. Что-то вы, поборник гласности, сказали, неважно справляетесь со своими сальдо-бульдо!

Что же касаемо самой заместительницы председателя Лиманской, то она невинно пролепетала: «Я не знала, что так делать нельзя».

Видимо, постеснялась использовать исключительное положение — возможность получить исчерпывающую юридическую консультацию за чаем на кухне.

Несладко пришлось старшему следователю облпрокуратуры О. Бунакову, нагрянувшему в райпо с проверкой: деликатная ситуация. Должна ли быть жена прокурора выше подозрений? Темнея лицом, Бунаков искал светлые черты.

Окунувшись в райповскую мистификацию, в том же духе таинственности квалифицировал: действия кадровички Лиманской «имеют признаки злоупотребления служебным положением», «а признаки — это те же призраки. Какой спрос с миражей?

Даже когда Прокуратура РСФСР отменила отказ в возбуждении уголовного дела и потребовала более материальной проверки, стойкие юристы — сначала помощник прокурора г. Новгорода В. Сочка, а затем старший следователь облпрокуратуры Н. Барашкина — добросовестно продублировали эти «признаки злоупотребления служебным положением». Мол, пусть присвоила вполне осязаемые деньги. Но ведь не сто тысяч?! Вполне допустимо не привлекать к уголовной ответственности Лиманскую.

В последнее время шумно атакуют законоведов воинственные публицисты: де, долой крайность кар. И не догадываются о том, что на пути к гуманности произведен крупный шаг в Малой Вишере.

Твердая позиция размягченных новгородских законников покорила республиканскую прокуратуру,— она сняла заковыристые вопросы.

Нет, автор фельетона не числит себя в сторонниках крутых мер. Он, как и прочие нормальные люди, негодует, узнавая, что когда-то могли сорванца за пять морковок, сорванных на колхозной грядке, упрятать на пять лет. Это бесчеловечно. Но одинаково бесчеловечно, наверное, совсем не замечать нарушений и злоупотреблений. Мы в этом недавно тоже убедились. На глазах у нас бойкие типы, начав с малого, разворовывали миллионы, а мы аплодировали и махали флажками.

Автор не замахивается вершить юридический суд «признакам злоупотребления» Лиманской. Заключили новгородские правоведы, что ее пассажи «могут быть наказуемы в дисциплинарном порядке»,— как говорится, на здоровье. Пусть так будет наказана. Ан нет же! И волосок на голове не колыхнулся. По собственному желанию начертав заявление, Людмила Николаевна перевелась заведующей складом райпо. Была безответственной, стала материально ответственной. И облпрокуратура, представьте, ни «гу-гу». И никто ни «гу-гу».

Партийцы райпо признали, что кандидат в члены КПСС Л. Лиманская с честью прошла испытательный срок, и приняли ее в члены. И парткомиссия райкома согласилась: да, достойна...

Но отчего оказался беззубым Новгородский облпотребсоюз? Ему-то что за дело до мужа районного значения? Этот заковыристый вопрос я вознамерился ребром поставить перед руководством, как вдруг отчетливо слышу в нешумном Новгороде: заместитель председателя правления Нисанов сам...

— Увы, это так,— подтвердили в ОБХСС УВД.

Оказывается, Г. Нисанов, работая в недавнем прошлом председателем любытинского райпо, распределял по запискам со склада всякий дефицит — от некитайских термосов до автомобиля «Жигули». На его выборочное снабжение и сдачу стройобъекта задним числом извели два тома бумаги работники ОБХСС и облпрокуратуры. К уголовной ответственности Нисанова привлекать не стали — передали дело в товарищеский суд, который по-товарищески и пожурил своего начальника. Случилось это в апреле. И в апреле же Нисанов был принят в члены КПСС, а потом ускоренно вынесен на областную орбиту.

— Не ошибается тот, кто не работает в потребкооперации,— сказал Нисанов корреспонденту.

Что спрашивать о Лиманской? Людмиле Николаевне столбовая дорога в облцентр. Случись это всемерное поощрение служебных вывихов Лиманской и Нисанова в скучное застойное время, и то было бы оно кричащим,

единение «Калужский турбинный завод» реконструировало компрессорный цех. Турбинисты, кроме того, наладили из отходов своего производства выпуск облицовочной плитки (под кирпич) и теперь, не скупясь, украшали ею мясокомбинат. Калужский машзавод, используя свои широкие деловые связи, купил на собственные деньги линию для обработки субпродуктов и сам же смонтировал на мясокомбинате. Завод телеграфной аппаратуры привел в порядок сосисочный автомат. Завод автомотоэлектрооборудования заканчивал ремонт колбасного цеха. Калужское моторостроительное объединение совместно со строительно-монтажным трестом и другими предприятиями построили на мясокомбинате новый пельменный цех. А это плюс 600 тонн пельменей в год...

Словом, как гласит пословица: дружно да согласно и будет прекрасно.

В электричках Москва — Калуга исчезли спортивные сумки, пахнущие колбасой, и рюкзаки «Турист» с выпирающими из них бараньими ребрами. Нет, мясо на экспорт Калуга пока не отправляет, но большие сдвиги налицо.

Мне невольно вспомнился мифический «дядя наверху», на которого так уповают в Краснодаре. Нет, этот путь призрачных надежд способен дать пищу лишь для размышлений, но не для стола. Для себя надо стараться больше сделать собственными руками. На получение мясопродуктов из фонда милосердия рассчитывать не стоит.

Москва — Краснодар — Калуга.

а сейчас — попросту инородно. Пугают не эти двое расторопных — Лиманская и Нисанов. Были и, как видно, будут всегда нечистые на руку. Беда, что окружающие проголосовали, как прежде, безголосо — дружно воздели ладошки вверх. Одни из равнодушия, другие из холуйства: с обсуждаемыми начальниками предстоит еще работать да работать!

Но промолчали-то против себя.

— После критического выступления начальника ОБХСС УВД области Кузнецова в «Новгородской правде» Нисанову и Лиманской партийными организациями объявлены взыскания за их проделки,— рассказал председатель комиссии партийного контроля при обкоме КПСС В. Пашков.

— Достойны ли они пребывать в партии — такой вопрос вставал где-нибудь? — интересуюсь.

Нет, не вставал. А эти выговоры (без занесения в учетную карточку) вряд ли послужили кому-то добрым предупреждением. Не разглядели в них достойную оценку случившемуся те, на чьих глазах творилось покровительство злоупотребителям. Осталась досада и раздражение: кому-то все можно! Что бы ни натворил, все как с гуся вода!

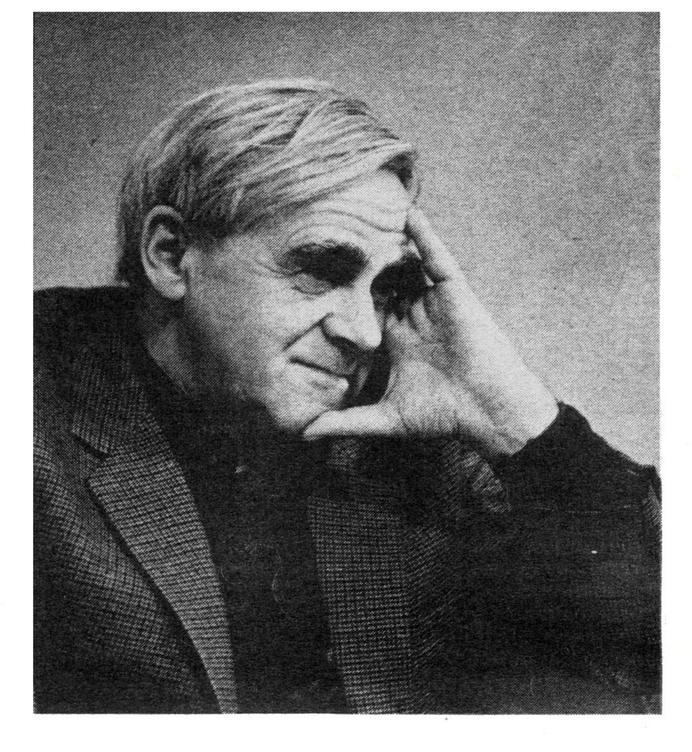
Перестройка общества и хозяйственной машины идет тяжко — обнажились ранее невидимые рифы. Даже страстно желающие перемен озадачены первыми результатами. А когда видят вот такое — возвышение за проказы, совсем ускользает опора. Все возвращается назад? «Не секрет, что партии стало недоставать авторитета»,— заключает в своем письме в «Крокодил» житель Малой Вишеры Е. Яковлев.

Ковровая дорожка в члены КПСС для скомпрометировавших себя людей типа Лиманской и Нисанова — это торпеда в борт перестройки. Не видеть этого может только тот, кто не находится на борту. Или сражающийся вообще по другую сторону.

Новгородская область.

Даниил ГРАНИН:

«НЕТЕРПЕНИЕ — ГОРЮЧЕЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ»

— Даниил Александрович, в чем, на ваш взгляд, состоит «нерв» сегодняшней жизни? Какие ее явления интересуют вас в первую очередь?

— Знаете, это разные вещи. «Нерв», конечно, состоит в сосиске. Меня же лично больше всего волнуют проблемы милосердия. Милосердия и терпимости.

Я не так уж часто встречался с М. С. Горбачевым, но вот что могу сказать: меня явственно привлекает в нем терпимость. Его все время толкают на жесткие действия, а он противится. Довольно легко, особенно в его положении, к этому скатиться — стукнуть кулаком по столу, выгнать, прищемить хвост, согнуть, сломать, убрать, приказать... Он настойчиво продолжает убеждать, искать подходы, а это требует колоссального мужества. Не знаю, конечно, как это дальше все получится, но знаю другое: убеждают сильные, слабые заставляют.

Линия милосердия и терпимости проходит через творчество величайших писателей. К сожалению, у нас она в свое время была искажена. Зазвучали призывы к борьбе, к нетерпимости: «беспощадно бороться», «классовые враги»...

Сейчас часто вспоминают, что печально известная фраза «Если враг не сдается — его уничтожают» принадлежит Горькому. Но не стоит торопиться с обвинениями. Во время революции никто так не спасал нашу интеллигенцию, ученых, писателей, как Горький. Низкий ему за это поклон. Как можно забывать об этом? А в тех условиях, когда он, вернувшись в страну, «попал в капкан», его действия были, возможно, вынужденными.

До самого последнего времени у нас существовало, конечно, искаженное отношение к человеческой жизни. Помню статью Симонова в «Комсомольской правде», где он с восторгом писал о трактористе, который стал вытаскивать трактор из огня и погиб. Меня эта статья огорчила. Сколько этих тракторов гнили и гниют! Никакой трактор не оправдывает гибели человека. Культ такого самопожертвования бесчеловечен. Не должен человек жертвовать своей жизнью ради спасения трактора! Человек должен спасать другого человека, а не железку. Мы же спасали трактора, а людей не спасали... Идея о том, что все жертвы оправданы во имя целей, поставленных кем-то, стала практикой нашей жизни. Мы сейчас избавляемся от нее, приходя к новому пониманию роли личности в истории. К осознанию ценности каждой человеческой жизни. Идет возвращение к здравому смыслу, к радостям человеческим, к простым понятиям. Зачем мы живем, кого мы любим, что мы любим? Не так давно был юбилей замечательного ленинградского ученого Юрия Ивановича Полянского. Юбиляра попросили сказать несколько слов, и он сказал:

— Меня с детства учили, что всем лучшим я обязан партии и своему народу. А я всегда думал несколько иначе: всем лучшим я обязан папе и маме...

И это, знаете, произвело на собравшихся сильное впечатление!

Мы уже проделали колоссальный путь. Если бы вы имели возможность вернуться на три года назад, вы бы самого себя не узнали, говорили бы с самим собой с возмущением и удивлением. Не следует путать нетерпимость с нетерпением. Мы сейчас нетерпеливы, нас в этом упрекают, а, по-моему, это хорошо. Нетерпение — горючее нашей жизни.

Темпы перемен будут зависеть от условий, в которых мы будем жить и работать. Посмотрите, когда наши соотечественники попадают в США, как быстро они теряют нашу сонную безынициативность, безразличие ко всему, как быстро становятся хорошими работниками, умеющими «вкалывать». Бывает так: был человек у нас средним ученым или инженером, а попал за океан — развернулся... Существующая там система требует инициативы, предприимчивости, полной отдачи в работе.

Знаете, в чем тоска нашей жизни? Не удается всласть поработать! Как это ни странно. Талдычим о труде, а поработать всласть нет возможности. Вот и получается, что не здесь, а там добиваются успеха наши инженеры, техники, ученые, даже коммерсанты — совершенно у нас нет дороги для коммерческой деятельности человека, а ведь нынешняя наша цивилизация начиналась с торговли, с купцов...

Не меньше, чем о труде, говорим мы о коллективе. Нет, коллектив, конечно, вещь хорошая и может служить человеку опорой, но в умеренных количествах. А мы живем такой жизнью, что вообще никуда от коллектива не деться. Начиная с детского сада, с яслей. Школа... Коммунальная квартира... Институт, служба... Коллективные поездки за город, по грибы. Много ли времени человек проводит наедине с самим собой? У большинства вообще нет такой возможности вплоть до ухода на пенсию. И вот тогда-то на человека сваливается одиночество, к которому он не привык, сваливается, как страшное горе. А ведь одиночество необходимо человеку, отсутствие его — беда. В этом смысле все мы, увы, жертвы коллектива...

— Не могли бы вы назвать те литературные произведения последних лет, которые работают на перестройку? Кстати, извините за некоторую прямолинейность и не сочтите это за лесть, но, по нашему мнению, ваш «Зубр» относится к числу именно таких книг.

— Вопрос благородный, но по сути своей конъюнктурный. Перестройка освободила литературу от конъюнктурщины, дала ей возможность быть литературой. А с непосредственной помощью перестройке вполне справляется публицистика.

— В повседневности все мы сталкиваемся со смешными ситуациями. Не могли бы вы привести пример такого «бытового» юмора из собственной практики?

— Ходил я тут недавно в баню, где служит простынщиком некий дядя Коля. И застал такую картину: сидит дядя Коля в предбаннике, погруженный в собственные мысли и не обращающий совершенно никакого внимания на то, что происходит вокруг.

— Дядя Коля, дай простынку,— просит со всех сторон голый банный люд.— Простынку-то дай!

Дядя Коля и ухом не ведет. Обстановка начинает накаляться. Наконец, выдержав паузу до максимально допустимого предела, дядя Коля обводит взглядом мерзнущих страдальцев и внятно произносит:

— За те деньги, которые мне здесь платят, я только на... могу вас всех послать.

Кстати, о юморе. Почему у нас всего один центральный сатирический и юмористический журнал? На такой-то богатой почве...

На писательской кухне побывали
Н. ГРАЧЕВА, Л. ФЛОРЕНТЬЕВ.

Алексей ПЬЯНОВ

„Вице-Робеспьер"

— Скажите, вы тверяк?
— Коренной!
— А вы знаете, кто был тверским вице-губернатором в 1860 году?
— Вот он, Салтыков-Щедрин. Правда, насчет года не уверен, но что он был — это точно.

Из разговора у памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину в г. Калинине весной 1989 года.

Чего только не случалось в славном городе Твери за его многовековую историю! Но такого, что произошло здесь в один из дней 1862 года, и летописи не зафиксировали, и старожилы не помнили.

А имело место следующее обстоятельство, крепко врезавшееся с тех пор в народную память и в соответствующих источниках документально зафиксированное. На берег речки Тьмаки прибыла группа чиновников во главе с городским полицмейстером. Толпа зевак, собравшаяся поодаль, много удивлялась: неужто купаться в этой смердящей речушке вознамерились?!

Однако казенные люди раздеваться не спешили, о чем-то возбужденно толкуя друг с другом. О чем именно — обыватели не слышали, ибо подходить близко опасались. А потом увидали они и совсем уж нечто необъяснимое: расходившийся полицмейстер вдруг прервал свою речь, наклонился к воде, зачерпнул ковшик и залпом, не отрываясь, выпил до дна. Крякнул, утерся ладонью и победительно посмотрел на потрясенных чинов городского магистрата.

Так 127 лет назад была решена одна из острых социально-экологических проблем города Твери. Столь простой и наглядный метод ее решения произвел большое впечатление на местные власти и дал им пример чуть ли не на столетие вперед...

Однако вы, дорогие читатели, вправе спросить: а какое отношение имеет процедура принародного водопития к великому русскому сатирику? Самое непосредственное. Но чтобы убедиться в этом, нам придется возвратиться на два года назад — вспять от описанного выше события.

3 апреля 1860 года вице-губернатором в Тверь был назначен Михаил Евграфович Салтыков, прежде исполнявший те же обязанности в Рязани и вконец испортивший отношения с первым лицом губернии Н. Н. Муравьевым. К новому месту службы — на родную для него тверскую землю — увозил он вместе с нехитрым скарбом неофициальное, но весьма почетное и опасное звание «вице-Робеспьера», полученное им за смелость в защите интересов простого народа, за выступления против произвола помещиков.

В Твери звание это было новым вице-губернатором подтверждено практически без всякой передышки. По присутствиям — где вполголоса, а где и громко — заговорили: «Лютует!»

Интересные сведения на этот счет мы найдем в книге известнейшего нашего щедриниста С. А. Макашина «Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов». Вот, к примеру, далеко не полный перечень его деяний на протяжении всего одной недели осени 1860 года: сделано замечание вышневолоцкому городничему «за производство без должного основания обыска»; объявлен строгий выговор бежецкому исправнику «за невысылку до сего времени помещика Конова из его усадьбы в губернский город»; дисциплинарное наказание и денежный начет корчевскому городничему, уменьшившему в свою пользу кормовое содержание одной арестованной с 15 коп. до 5½ коп.; предупрежден кашинский исправник, что он будет уволен, «если не изменит своих допросных приемов»; отстранен от должности становой пристав Ржевского уезда и его письмоводитель «за злоупотребления по должности», взятки и вымогательства...

И это, как я уже сказал, далеко не полный перечень! И это всего лишь за одну неделю! Вчитайтесь в перечисленные «меры» повнимательнее: все наказания — власть имущим, все — в защиту простого тверяка-горожанина и крестьянина, в защиту законности, пусть куцей, пусть еще крепостнической, но законности! Наказывал за отнятую у арестантки кормовую копейку. За недозволенные «допросные приемы»... Ай да вице-губернатор! И впрямь — вице-Робеспьер! Вот бы и нашим нынешним «вице» и иным начальникам так же строго блюсти прежде всего интересы народа, так сурово спрашивать за «совершенную бездеятельность» в бесчисленных департаментах, так же беззаветно охранять законность. Нашу, советскую...

Впрочем, прошу прощения за нелирическое отступление, это во все времена небезопасно и для собственного благополучия вредно. А потому можно было не сомневаться, что и тверское вице-губернаторство Салтыкова будет недолгим. Кому приятны беспощадные ревизии и разбирательства, которые учинял он во многих уездах, пусть и по поручению самого губернатора!

В донесении штаб-офицера корпуса жандармов Симановского начальнику Московского округа жандармов генералу Перфильеву от 2 января 1861 года читаем:

«Вице-губернатор Салтыков. Сведущ, деятелен, бескорыстен, требователен относительно сотрудников, взыскателен относительно подчиненных... Взыскательность его и особо деятельный надзор за правильною деятельностью и служебною нравственностью чиновников выразились значительно большим против прежних лет числом лиц, отданных в 1860 году под уголовный суд. Решение этих дел должно показывать, все ли чиновные заслужили такую строгую против них меру, впечатление же, произведенное этими распоряжениями на служащих в уездах, весьма натурально не в пользу Салтыкова».

Весьма натурально было и стремление Салтыкова всеми силами способствовать уничтожению крепостного рабства, что тоже свидетельствовало не в его пользу. В Калининском областном архиве мне довелось познакомиться со многими жалобами и доносами помещиков на «красного» вице-губернатора в высокие инстанции. Бумаги эти пышут так и не остывшей более чем за столетие злобой к человеку, замахнувшемуся на «священные» права крепостников. Борьба с ними, как отмечают исследователи жизни и творчества великого сатирика, занимала центральное место в служебной деятельности Салтыкова. Сколько сил, сколько времени отдал он этой борьбе! Сколько казенной бумаги исписал собственноручно, составляя проекты постановлений губернского правления «о незаконных действиях...», «по возбуждению уголовного дела...».

Я держал эти пожелтевшие листы в руках и думал о том, что им отдано время, оторванное от истинного его призвания — писательства, которое в ту, тверскую, пору он и сам уже ощущал как главное дело своей жизни. И тут не надо ничего домысливать. Возьмем его «Автобиографию», написанную в сентябре 1887 года. Вот строки из нее: «...служил и писал, писал и служил вплоть до 1848 года, когда был сослан на службу в Вятку за повесть «Запутанное дело». Прожил там почти 8 лет и служил, но не писал. В 1856 году возобновил литературную деятельность «Губернскими очерками» и вплоть до 1868 года писал и служил, служил и писал. В 1868 году совсем оставил службу и исключительно отдался литературе».

...В его почерке почудилось мне что-то пушкинское. Так и кажется, что легкие летящие строки (в Лицее он писал стихи) закончатся рифмой. Но нет, казенная бумага, начинающаяся словом «слушали...», не терпит рифмы. Тут надобен слог простой и суровый. Тут все должно быть точно, доказательно, неопровержимо, дабы привлечь к ответственности закоснелого крепостника, свитского генерала Казнакова или старицкого уездного исправника Зилова, который, кстати, был родственником Салтыкова...

Деловые бумаги Салтыкова безупречны. Не зря было потрачено на них столь дорогое время и в рабочем его кабинете, и в доме на улице Рыбацкой, что у самой Волги. Их писала одна рука, одно перо, отданное делу борьбы за счастье народа, за будущее России, которую любил он безмерно.

Тверская служба Салтыкова дала ему богатейший материал для будущих книг, откликнулась во многих произведениях. Но таким же незамирающим откликом и в памяти людей остались добрые дела, творимые им на высоком государственном посту. Он всячески старался облегчить жизнь городского люда, рабочих, содействовал просветительским деяниям местной интеллигенции, был среди учредителей первой в Твери публичной библиотеки. Жаль только, что не его имя носит сегодня Калининская областная библиотека. Жаль, что нет у нас литературного щедринского праздника. Жаль, что и один из древнейших русских городов до сих пор живет под псевдонимом...

Но пора уже вернуться нам на берег Тьмаки, откуда начался этот рассказ о тверских страницах жизни Михаила Евграфовича.

Итак, в какой же связи находятся городской полицмейстер, выкушавший ковшик сырой речной воды, и «прокурор российской действительности»? В самой прямой! Дело в том, что вскоре по приезде в Тверь Салтыков добился разрешения на возбуждение процесса против владельцев текстильной фабрики купцов Каулина и Залогина за отравление промышленными стоками, как сказали бы мы сейчас, речки Тьмаки, протекающей через город. Водой из нее пользовались семьи фабричных рабочих. Их жалобы и были услышаны вице-губернатором. Созданная им комиссия определила, что фабрика своими отходами недопустимо загрязняет Тьмаку. В общем, купцы дело проиграли. А посему хамство на Салтыкова затаили: кого послушал — голытьбу!

Два года спустя, едва неугодный вице-губернатор ушел в отставку, хозяева фабрики обжаловали решение комиссии и потребовали учредить новую, что и было сделано. Возглавил эту комиссию тот самый полицмейстер, которому и суждено было несколькими глотками воды опровергнуть выводы врачей и химические анализы специалистов. Если бы обыватели, глазевшие на это необычное зрелище, рискнули подойти поближе, они услышали бы, вероятно, следующее резюме полицейского-пробиста:

— Как видите, господа, вода вполне хорошая и в употребление пригодная. А всякие там жалобы — от невежества.

Правда, злые языки говорили, что вскоре после снятия пробы с Тьмаки блюститель порядка продезинфицировал желудок фирменными напитками из подвалов купца Каулина да купца Залогина. Но это, должно быть, так, байка, хотя, по свидетельству некоторых современников и соратников, полицмейстер был выпить не дурак.

Однако, как говорил Булгаков, чего не знаем, о том не пишем. А вот что мне доподлинно известно, как — в недавнем прошлом — тверскому жителю. Долгие еще годы из Тьмаки могли пить только чины казенные и только в обстоятельствах, для экологии критических, ибо фабрики, спускавшие свои отходы в бедную речку, числом множились, а Салтыковых с тех пор в Твери на высоких постах не было. И все-таки нашелся уже в наше время человек, пусть чином и поменьше вице-губернаторского, который сказал: «Хватит! Это ж какое безобразие: речка через город течет, а в ней не то что искупаться, ноги замочить страшно — отвалятся». И спасли Тьмаку. Всем миром спасли. Вспомнили, стало быть, Михаила Евграфовича, устыдились: он вон еще когда, при крепостном праве, о ней заботился, а мы...

Теплыми летними днями приходил я на зеленые берега, прыгал в светлые воды, в гущу бултыхающихся ребятишек, в несколько взмахов переплывал благословенный этот ручеек. Лежа на солнышке, думал, что хорошо бы вот здесь, среди травы, стрекоз, веселой ребятни и поставить памятник Михаилу Евграфовичу. Тогда у нас во всей России не было ему памятника: чиновные потомки не спешат благодарить сатириков. К столетию со дня рождения поставили. Но не здесь, а на Тверской площади. Хорошее место выбрал московский скульптор Олег Комов. А ежели бы там, у Тьмаки, все же решили ставить, то можно было бы и полицмейстера изваять. Не за должность и звание, а за смекалку и находчивость. Ведь у нас и нынче многие чиновные люди, пекущиеся «о благе народа», проблемы экологии, научные споры о судьбе родной природы решают на манер тверского полицмейстера...

Ну вот, опять не удержался, опять отступление получилось. А ведь я хотел пригласить вас в дом на улице Рыбацкой, где жил тверской вице-губернатор М. Е. Салтыков. Теперь тут прекрасный, живой музей. Я бы мог рассказать вам о каждом из его экспонатов. Назову лишь один — бюст хозяина этого дома, выполненный известным русским скульптором П. П. Забелло. На постаменте — грустные щедринские слова: «В родном городе некто пожертвовал в местный музей мой бюст. Стоял, стоял этот бюст года два благополучно — и вдруг его куда-то вынесли. Оказалось, что я вредный».

Нет, Михаил Евграфович, не вдруг! Его вынесли после того, как правительство закрыло возглавляемый вами журнал «Отечественные записки». Вынесли по указанию распорядителя музея Жизневского, который одно время слыл даже либералом. Впрочем, про господина Жизневского вы всё знаете. А вот чего вы не знаете. Портрет ваш, заказанный на средства, собранные тверяками, был отправлен на чердак, где и пролежал долгие годы. Его нашли после революции, включили в опись фондов нового уже музея, бережно хранили. Он пережил войну, разор города в дни фашистской оккупации. А теперь вот стоит в вашем доме на Рыбацкой, в той самой комнате, где по вечерам собирались ваши друзья, где прожили вы два счастливых и суровых года. И теперь уже никто и никогда не вынесет его на чердак, надеюсь.

Калинин — Москва.

Евгений МАЦИЕВСКИЙ. Иллюстрация к «Истории одного города».

Юбилейное

„Не потому ли комиссии стали устраивать, что думают: авось, на народе стыднее будет? Но все члены равнодушны к делу, и потому комиссии глохнут...» — писал в прошлом веке Салтыков-Щедрин.

Прошло больше ста лет. Однако комиссии мы создаем все так же усердно, в том числе и по подготовке юбилеев наших писателей. Отмечаем торжественными заседаниями, выпуском юбилейных изданий, кинофильмами по мотивам произведений юбиляра.

Конечно, мероприятия эти вполне закономерные и необходимые, но хотелось бы и еще кое-что — «сверх программы»...

Давайте вспомним один не самый светлый период жизни писателя. В 1884 году щедринские «Отечественные записки» закрыты за политическую неблагонадежность. Обыск и арест редактора журнала кажутся настолько неотвратимыми, что английская газета «Дейли ньюс» публикует информацию об этом своего русского корреспондента. Слухи об аресте распространяются и по Петербургу.

В это самое время студенческие кружки составляют приветственные адреса сатирику, собирают под ними подписи, выпускают обращение «К русскому обществу» в его поддержку.

Депутации петербургских студентов (среди которых была сначала Анна, а затем и Александр Ульяновы) дважды навещают тяжело больного писателя, стремясь подбодрить его в трудную минуту, отвлечь от мыслей о ненужности русскому читателю.

Но вот со дня смерти великого Щедрина прошло сто лет (заметим, более семидесяти из них пришлось на время его официального признания). Как же приобщаем мы к его творчеству, к примеру его благороднейшей жизни — борца с застоем века прошлого?

Напомним события последних лет, о начале которых «Крокодил», увы, уже писал (№№ 29,36 за 1975 год и № 2 за 1986 год).

Итак, 1976 год, время застоя (удобный повод на него все и списать). В канун 150-летия со дня рождения Михаила Евграфовича выходит долгожданное распоряжение Совета Министров РСФСР об увековечении его памяти. Оперативно принимается не менее нужное решение исполкомом Мособлсовета о восстановлении историко-мемориальной усадьбы на родине писателя в селе Спас-Угол Талдомского района.

Специализированным организациям даются задания по проектированию и восстановлению мемориального парка, усадебного дома, реставрации фамильной церкви, очистке прудов, созданию охранной зоны. Предусмотрели и «благоустройство села Спас-Угол, место для установки памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину, строительство Дома культуры, автостоянки и кафе» (видимо, для предполагаемых туристов).

Однако толпы экскурсантов даже и через дюжину лет после этих замечательных решений в Спас-Угол не спешат. Почему?

К 150-летию сатирика насквозь отсыревшую, десятилетиями разрушавшуюся фамильную церковь Спас-Преображения снаружи подкрасили (кстати, в годы строительства канала Москва — Волга, когда местные жители были выселены, в храме устроили отхожее место для заключенных). Через год-другой краска облупилась.

Попытались было местные власти привести в порядок парк и пруды, но своих сил на это не хватило.

Проходит десять лет. Близится новый юбилей — 160 лет со дня рождения. Под обстрелом центральных изданий трест Мособлстройреставрация вынужден теперь уже не только подкрасить, но и подлатать церковь изнутри, так что местные энтузиасты успевают все же к приходу гостей открыть в ней филиал районного краеведческого музея.

На волне юбилея трест делает даже кладку церковной ограды. Но торжества проходят, и вскоре краска с храма (теперь уже музея) вновь облетает (его в спешке не смогли хорошо просушить). Сейчас, перед новым юбилеем, специалисты Мособлстройреставрации, возможно, опять дрогнут и покрасят музей в очередной раз, хотя через три года после реставрации он нуждается уже в капитальном ремонте.

О грандиозных планах преобразования Спас-Угла теперь предпочитают вообще не вспоминать.

Умирают в усадебном парке вековые липы, помнящие писателя, зарастает он кустарником. Затягиваются ряской пруды. Остается на бумаге охранная зона.

Благополучно разрушаются развалины взорванной церкви Святого Георгия в Станках, неподалеку от Спас-Угла, где была похоронена мать писателя. Ну а в знаменитом доме-комоде, описанном Щедриным, где он и сам не раз живал, расположился райком ДОСААФ.

Что уж тут говорить о развитии музея, получении им статуса самостоятельного учреждения (без этого и штатов, и средств не жди), об обещанном восстановлении историко-мемориальной усадьбы (а не одной фамильной церкви), открытии историко-литературного и природного музея-заповедника «Щедринское Пошехонье»!

А ведь вокруг Спас-Угла лежат многочисленные села и деревни, где Михаил Евграфович или бывал сам, или жили его родственники и земляки, ставшие прототипами героев щедринских произведений.

В Талдомском и соседнем Калязинском районе Калининской области можно открыть интереснейший туристский маршрут — благо путеводитель написан самим сатириком — это тома его сочинений.

Но, может быть, то, что трудно сделать в глубине Пошехонья, проще в центре огромного города?

Увы. В ленинградской квартире № 4 по Литейному, 60, где много лет жил и работал Салтыков-Щедрин, мемориальный музей до последнего времени не был открыт. Безуспешно бьются за это энтузиасты во главе с инженером А. М. Левенко, знатоком жизни и творчества сатирика, готовым передать свои знания (да и многие экспонаты) в новый музей.

Впрочем, случайность ли это? Город, где открываются самые разнообразные музеи, не спешит увековечить память своих великих сынов. Декабристы и сатирик Щедрин ему не ко двору...

Для того чтобы «не дать в обиду мужика» (С.-Щ.), тверской вице-губернатор Салтыков широко практиковал «вождение влиятельного человека за нос». Опыт его своеобразно переосмыслен и с успехом применяется теперь самими «влиятельными» людьми по отношению к миллионам его читателей и почитателей.

В «Сатирах и прозе» Щедрин писал: «Покуда слово будет представляться чем-то оторванным от жизни, чем-то существующим само по себе и для себя, до тех пор не может быть и речи о каких-либо новых основах для жизни».

С очередным юбилеем вас, щедринолюбы!

Ян ПРУССКИЙ,
литературовед,
один из зачинателей
музея М. Е. Салтыкова-Щедрина
в г. Талдоме.

Татьяна ШАБАШОВА, специальный корреспондент Крокодила

АРХИТЕКТУРНЫЕ ВАРЕНКИ,

или ПОКУШЕНИЕ НА ПСКОВ

«Снятся людям иногда голубые города, у которых названия нет»,— гласит песня.

Но пусть у населенного пункта есть звучное название, есть горисполком и площадь с фонтаном, есть Дворец культуры с кружком бального танца, и прачечная «Сиюминутка», и служба знакомств «Кому за...» с сексологом-общественником на телефоне доверия, но памятников истории, культуры и архитектуры там нет и быть не может. Потому что это — города-детеныши.

МИКРОЭКСКУРС В ГЛУБЬ ВЕКОВ

А вот Псков — тот образцами культурного наследия, можно сказать, нашпигован: и ничего удивительного в этом нет, ведь батюшка Псков известен честному люду еще с 903 года. Заметьте, не с тысяча девятьсот третьего, а просто с девятьсот третьего. Хоть и не было тогда средств массовой информации, рекламных клипов и всего такого, а только курсировали туда-сюда и разносили вести калики перехожие.

— Что это за народ такой справный поселился у слияния реки Псковы с красавицей Великой? — вопрошали с восхищением жившие в те поры предки.— Уж очень качественные они производят продукты сельского хозяйства и народного потребления!

Вскоре — по историческим меркам — в веках X — XI — XII — земля уже полнилась слухами о небывалых псковских постройках: теремах, церквах, житницах, отличавшихся прочностью и красотой.

Дальше — больше. Гражданские постройки, жилые палаты, храмы, соборы, монастыри, башни, колокольни и крепости обогатили, нарядили и выдвинули Псков в ряд знаменитых городов. А так как завидущий неприятель — то один, то другой, то третий — лез сюда с огнем и мечом, деревянную ограду, поначалу защищавшую город, заменили могучими каменными крепостными стенами.

Слава псковских зодчих, каменщиков, литейщиков, среброкузнецов разнеслась так широко, что с XV века их стали вызывать в различные места Руси и в самую Москву. Существует крепкая гипотеза, что именно легендарный псковский строитель Постник Яковлев создал храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве — одно из гениальнейших произведений мировой архитектуры. Откройте любую книгу о Пскове — не читать хочется, а петь! Их авторы хором утверждают: зодчество Пскова есть чудо на земле.

НЕ СПЕШИ!..

Этот беглый взгляд в прошлое мы бросили потому, что сегодня седые величественные стены Пскова трясом трясутся от споров. Утрясается вопрос, каким быть городу? Оставаться ли по старинке духовной, ратной и культурной святыней Отечества, всемирно известной своими архитектурными шедеврами, или отряхнуть, как говорится, прах с ног своих, преобразиться, осовремениться? Выражаясь фигурально, из всех одежд города отдать предпочтение джинсам-варенкам?.. Спорщики бьются яростно, не на живот, а на смерть!

Дело в том, что в батюшке Пскове планируется создание ультрасовременного центра отечественного и международного туризма. Центр задуман, как и полагается, с размахом на — ни много ни мало — 2100 мест с отелями и мотелями, кемпингами и дансингами, стадионами и аттракционами, со стерео- и компьютерными кинозалами, с ресторанами и магазинами, с павильонами для фестивалей мод, гала-парадов, концертов поп-групп, конкурсов красавиц «Секс-бомба», «Вамп-пуля», «Мисс Вселенная», «Мисс Псков», «А ну-ка, миссочки!» и разных других феерий и шоу, какие псковичам и не снились.

Такое грандиозное прогрессивное новшество (особенно если вышибалы не станут вышибать оттуда советских граждан) можно было бы только приветствовать, если бы стараниями тех, кто призван его осуществить, оно не превратилось в Идолище, а город — в идоложертвенника. И все из-за спешки.

Что говорить, городская казна истосковалась по звонкой монете, а туристический улей — загуди он на полную катушку — такой звон сулил. И руководители заторопились.

Для осуществления «Проекта века» срочно сколачивается специальный орган — дирекция «Псковреконструкция» с гендиректором товарищем Гуленко В. Ф. Чтобы дирекции было на кого опереться, ей в помощь придается проектная организация с товарищем Пославским Б. Д. во главе угла. «Проект размещения туристического центра» изготавливается с поспешностью, столь необходимой в некоторых жизненных ситуациях, но рискованной при решении судьбы целого города.

ОТКУДА ЗАГОРЕЛСЯ СЫР-БОР?

Итак, скороспелый проект-недоносок приводит в ужас не только псковских специалистов-архитекторов. Недавно газета «Молодой ленинец» сообщила, что после опроса горожан стало известно: 92% жителей против строительства туристических гостиниц в историческом центре. Ибо оно угрожает придавить собой знаменитые архитектурные ансамбли, те самые, ради которых турист — как свой, так и забугорный — пустится в путь-дорогу. В нынешнем варианте «Проект» раскинул пять своих гостиниц, культурно-зрелищные и спортивно-развлекательные учреждения так ловко, что загороженными оказались: «Снетогорский монастырь — красотища, сотворенная в XIII веке, Иоанновский монастырь на Завеличьи, также насчитывающий семь веков с хвостиком; обложенным со всех сторон будет Космо-Демианский монастырь XVI века на Гремячей Горе. Днем с огнем не найдешь сам Псковский кремль на берегах Великой и Псковы... Словом, инородными телами новостроек покроется — и погибнет! — неповторимый природный псковский ландшафт.

И еще одно «но», мимо которого проскочили проектанты. Свое детище, свой псковский «Диснейленд» они разместили в археологической зоне, к которой, как оказалось, нельзя прикасаться.

Вот что сказал по этому поводу член-корреспондент Академии наук СССР Валентин Лаврентьевич Янин: «Надо немедленно запретить здесь любое строительство. Опыт археологических работ в Новгороде, где найдено 700 берестяных грамот, доказывает, что в недрах Пскова также хранятся несметные богатства нашей истории. Здесь едва только копнули, как нашли 7 берестяных грамот! Начать строительство в этой зоне — значит заведомо потерять редчайшую возможность узнать свое прошлое. Очевидно, товарищи забыли, что этот участок культурного слоя находится под охраной закона, раз решили его застраивать. Хотя закон этот никогда не работал, не работает и сейчас. Отсюда такое вольное обращение с заповедными зонами».

Да, как говорят юристы, де-факто наши национальные сокровища беззащитны. «Pskovland» угрожает Псковскому кремлю, не придется ли и этой святыне и твердыне сдаться на милость напористого администратора? Хоть бы того же товарища Гуленко:

— Многих беспокоит строительство туристического центра в черте города,— веско излагает свою позицию Виктор Федорович.— Мы же считаем, что никоим образом никому этот объект мешать не будет. Там все это умещается без всякого давления на Кремль.

Видите, как все просто? «Мы считаем» — и никаких «де-юре»! Чем, думаете, объясняет гендиректор «Псковреконструкции» решение расчистить заповедный центр Пскова и на его священных камнях возводить объекты для зарубежных гостей? Никогда не догадаетесь!.. Исконно русским гостеприимством!!! Э-эх, давненько не перепадала Крокодилу такая веселенькая административная шутка! Оказывается, русское гостеприимство состоит в том, чтобы на потребу гостю перемешать все в собственном доме! Оригинально, не правда ли? В припадке гостеприимства хлебосольные псковреконструкторы уже готовы одну из гостиниц, задуманную в виде бутафорской крепости, разместить по соседству со средневековой крепостной стеной. Можно не сомневаться, что этот архитектурный суррогат будет не только торчать напротив уникальной стены, но и загородит ее, родимую, бесценную, обречет бесславно доживать свой век в тени новостройки а-ля рюсс...

ДЕРЖАТЬ КАРМАН ШИРЕ!

Но, может быть, товарищи, те, кто задумал эти поделки и постройки, попросту думают, что турист — дурак, не отличит фальшивки от шедевра и поедет за свои кровные за тридевять земель любоваться историческим городом, потерявшим свое лицо? Ау-у, ВООПИК, где ты?

«Я здесь! На улице Рылеева в Москве. Но честное воопиковское, с нами никто в целом этот гостиничный комплекс не согласовывал,— говорит заместитель начальника Центрального совета ВООПИКа А. Годлевская.— Мы понимаем и поддерживаем псковскую общественность. Но псковское отделение ВООПИК идет на поводу у местных властей, не имеет никакого авторитета.

Скрепя сердце мы дали согласие только на одну гостиницу «Интурист» на набережной, и то только потому, что набережная эта запущена до безобразия, вид у нее такой плачевный, что испортить ее уже нельзя. Пусть уж там стоит гостиница.

В настоящую минуту руководители Пскова находятся в эйфорийном ожидании ссуд на строительство. Туристический центр, заключение договоров с иностранными фирмами — какие приятные во всех отношениях горизонты! Какой шанс для Псковщины! Вот когда хлынет и застучит по псковским крышам золотой дождь! Надо только держать карман шире!

Все это правильно. И золотой дождь — вещь вполне реальная, если вести дело в согласии с науками — не строить на скорую руку и не забывать в лихорадке будней, ради чего турист сюда едет.

Турист — будь то миллионер, миллиардер или простой дядя Базилио — не промах и себе на уме. Ему интересен исторический Псков, а не, повторим, «Диснейленд». Заморский гость желает воззриться на древнерусские шедевры, колокольни и башни, а не на архитектурные варенки, от которых он дома устал.

— Нам же не стоит забывать и о третьей (!) стороне медали,— говорит товарищ Гуленко.— Если мы хотим, чтобы туризм принес доход городу, то деньги свои туристы должны тратить именно в Пскове с помощью познавательных и развлекательных программ, которые мы для них создадим, и с помощью тех товаров, которые город им продаст!

Третья сторона медали — штука, конечно, интересная, но что-то не сильно верится, чтобы «товары, которые город им продаст», так привлекали туристов, что они ринулись бы сюда, скрипя бумажниками, чтобы купить... что?.. Или Виктор Федорович забыл, что все псковские промыслы, все до единого, канули в вечность, а мастера, умельцы, удивлявшие мир, остались в прошлом, а новые не родились. Возродятся ли — неизвестно.

Псковский туристический бизнес зиждется на исторических памятниках и будет силен только ими!

Нетрудно предвосхитить ход событий: если уважаемые устроители не найдут подходящего места вдали от заповедного центра, где и разместят свои новостройки, то ничего толкового из этой грандиозной затеи не получится. Будет уже бывшая тысячу раз бесполезная трата государственных миллионов, и больше ничего. Турист вполне может подъехать к достопримечательностям на автомобиле или на автобусе, и совершенно непонятно, почему товарищ Гуленко так боится этого вида транспорта для зарубежного гостя? И считает, что туриста нельзя утруждать и что он должен «щупать» все собственными руками, не отходя от гостиничной кровати.

К чему может привести такое самонеуважение и неуважение к собственному городу, к его жителям? Да только к печальному концу, когда город, во все века вызывавший восхищение, станет вызывать сожаление.

— Только лютые псковоненавистники могли додуматься до того, чтобы втиснуть новомодные архитектурные объекты в самое ядро исторического, заповедного центра города! — кипят разгневанные круги населения.

И администрация — не имея хоть сколько-нибудь весомых аргументов для защиты своего худосочного детища — вынуждена была наступить на горло собственным амбициям. После бурного заседания в облисполкоме, при успешном натиске представителей общественности малограмотный проект был заморожен и отдан на доработку.

Это вселило надежду! Так захотелось верить, что победят здравый смысл, знание дела и закон. И древний, прославленный Псков не превратится в жалкие Нью-Васюки.

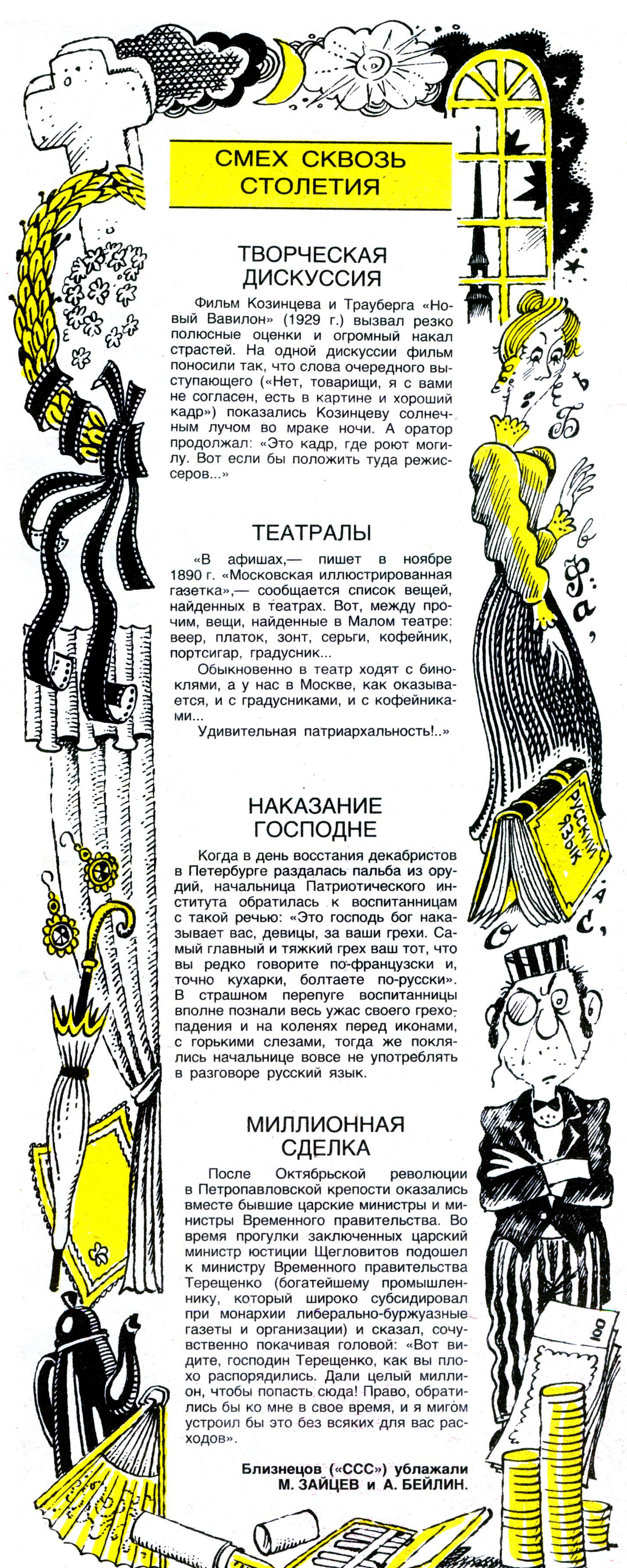
Рисунок Л. ФИЛИППОВОЙ.

— «Фобос» не находили?

Рисунок С. СПАССКОГО.

Рисунок В. ЛУГОВКИНА.

Рисунок С. РЕПЬЕВА.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

ТВОРЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ

Фильм Козинцева и Трауберга «Новый Вавилон» (1929 г.) вызвал резко полюсные оценки и огромный накал страстей. На одной дискуссии фильм поносили так, что слова очередного выступающего («Нет, товарищи, я с вами не согласен, есть в картине и хороший кадр») показались Козинцеву солнечным лучом во мраке ночи. А оратор продолжал: «Это кадр, где роют могилу. Вот если бы положить туда режиссеров...»

ТЕАТРАЛЫ

«В афишах,— пишет в ноябре 1890 г. «Московская иллюстрированная газетка»,— сообщается список вещей, найденных в театрах. Вот, между прочим, вещи, найденные в Малом театре: веер, платок, зонт, серьги, кофейник, портсигар, градусник...

Обыкновенно в театр ходят с биноклями, а у нас в Москве, как оказывается, и с градусниками, и с кофейниками...

Удивительная патриархальность!..»

НАКАЗАНИЕ ГОСПОДНЕ

Когда в день восстания декабристов в Петербурге раздалась пальба из орудий, начальница Патриотического института обратилась к воспитанницам с такой речью: «Это господь бог наказывает вас, девицы, за ваши грехи. Самый главный и тяжкий грех ваш тот, что вы редко говорите по-французски и, точно кухарки, болтаете по-русски». В страшном перепуге воспитанницы вполне познали весь ужас своего грехопадения и на коленях перед иконами, с горькими слезами, тогда же поклялись начальнице вовсе не употреблять в разговоре русский язык.

МИЛЛИОННАЯ СДЕЛКА

После Октябрьской революции в Петропавловской крепости оказались вместе бывшие царские министры и министры Временного правительства. Во время прогулки заключенных царский министр юстиции Щегловитов подошел к министру Временного правительства Терещенко (богатейшему промышленнику, который широко субсидировал при монархии либерально-буржуазные газеты и организации) и сказал, сочувственно покачивая головой: «Вот видите, господин Терещенко, как вы плохо распорядились. Дали целый миллион, чтобы попасть сюда! Право, обратились бы ко мне в свое время, и я мигом устроил бы это без всяких для вас расходов».

Близнецов («ССС») ублажали М. ЗАЙЦЕВ и А. БЕЙЛИН.

ДЕВИЧИЙ ПЕРЕПОЛОХ... В НАШЕМ ЦЕХЕ

НАД ЧЕМ СМЕЕТСЯ ЖЕНЩИНА?

Смеяться над тем, что говорит женщина, не принято.
М. ЖВАНЕЦКИЙ.

Я внимательно слежу за афишей Театра эстрады, где регулярно выступают наши признанные мастера-сатирики — М. Жванецкий, Г. Хазанов, М. Задорнов, Е. Шифрин, Е. Петросян... Чувствуете, одни мужские фамилии? Прямо-таки оккупировали мужики эстрадные подмостки. Но вдруг... женщина! Клара Новикова. Сольный концерт. Всего два вечера. Наконец-то!

Какой женщине не приятно посмеяться над другой женщиной? Не потому ли зал театра был забит до отказа представительницами слабого пола? Конечно, встречались и пиджаки, но в виде исключения...

Над чем смеялись женщины? Был поставлен ряд острых политических вопросов. Например, перевыборы мужа в эпоху гласности жены. Ведь муж, как вы понимаете, выборная должность, и если он не оправдывает доверия семейного коллектива, то почему бы... Кстати, под окном бродит другая кандидатура, оклад которой на целых семь рублей больше. А что? Пока фактор материальной заинтересованности еще никто не отменял...

Затронули и творческие аспекты нашей жизни: звучал монолог киноактрисы, героиня которой страстно тоскует по яхте в Карибском бассейне, валяясь около собственного. Но роль не получается, потому что замотанная жизнью кинозвезда то и дело срывается на вздохи по немытым кастрюлям и замоченному в ванной белью, ожидающему ее после съемок. Ну как тут не повздыхать на пару с исполнительницей!

Освещены и наболевшие социальные проблемы. Вот «автопогрузчица» — здоровенная бабища, используемая бессовестным руководством на особо тяжелых работах вместо сломавшегося крана. А вот растерявшаяся провинциальная тетеха, запутавшаяся в экстрамодном туалете. Или Венера... Да-да, та самая, которую великие художники прошлых веков любили изображать возлегающей на ложе. По утрам, видите ли. А тут с утра боишься очередь за молоком проворонить. И мы дружно завидуем своей прапрапрабабке, которой, как ни крути, повезло больше.

Проблемы, проблемы: глобальные и семейные, государственные и кухонные,— все они вплетаются в наши суетливые женские судьбы. Как от них избавиться?

Об этом после концерта я и спросила саму Клару Новикову.

— Говорить вслух о наболевшем. И активно искать выход.

Но, как выяснилось, самой Кларе Новиковой тоже не всегда удается высказаться.

— Еще в эпоху застоя меня пригласили в Большой театр для участия в праздничном концерте, на котором должно было присутствовать правительство. Шли тщательные репетиции, где я читала монолог про эдакого схематичного мужа: «брови-плечи-пальто». В лексику этого концерта слово «брови» не легло. Ну, вы понимаете, почему... Его заменили на «уши». А затем монолог вообще выбросили. Вместе со мной. Не захотели сатиры. Заменили нас Дорониной, читающей Есенина. Кстати, концерт посвящался Международному женскому дню... А не так давно на съезде работников агропрома устроители концерта запретили мне читать монолог женщины, потрясенной договорной ценой на кооперативную колбасу. «С кем они договаривались, с коровой, что ли?» — не может понять она. Устроители решили, что не стоит огорчать агропромовцев такой грубой шуткой.

Хорошо, что с подмостков Театра эстрады раздается голос женщины. Правда, только два дня... Ничего, мы еще своего добьемся!

И. СКОРОБОГАТОВА.

Александр РЭУ

ПРЕДАННОСТЬ

Рассказ

Кондрат Степанович был очень большим начальником. И как очень большой начальник он не боялся быть с подчиненными мягким. Но в нем так крепко сидел маленький начальничек, что ему постоянно требовалось злиться.

На работе он уже не мог кричать и стучать кулаками, поэтому вымещал эту свою страсть на собственной собаке по кличке Жучка-Мучка. (Кондрат Степанович очень гордился исключительно точной, по его мнению, кличкой беспородного пса.)

Жучку-Мучку он мучил каждый вечер, особенно после ужина. Собака переносила все страдания тихо, покорно отдаваясь в лапы судьбы. Когда хозяин особенно распалялся, то начинал кричать:

— Что же ты, псина, елы-палы, терпишь всё? Ну, цапни меня, будь человеком! — Но Жучка-Мучка привыкла быть покорной и лишь жалобно смотрела на злодея.

В один из осенних дождливых сумрачных дней Кондрата Степановича хватил удар. и он скончался. Умер с улыбкой на устах, как подобает истинному большому начальнику.

Жучка-Мучка, не дождавшись вечерней экзекуции, заглянула в комнату хозяина, увидела его, подошла и тихонько куснула за ногу...

Вот какие фортели может выкидывать даже самая искренняя преданность!

ОТ НАШИХ АМЕРИКАНСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Нет. Нет. Нет. Не следует воспринимать заголовок как свидетельство реализации хрустальной мечты Крокодила об открытии собственных корпунктов за рубежом. Имеется в виду другое значение слова «корреспондент», а именно — «лицо, состоящее с кем-либо в переписке». Сегодня международные полосы журнала займут фельетоны и письма, полученные нами от американских читателей. Предоставляем им слово.

«Может быть, вас заинтересуют мои фельетоны,— пишет нам П. Дж. Гладник, юморист из Лос-Анджелеса.— Они публиковались в газетах «Лос-Анджелес геральд икзэминер», «Хьюстон кроникл», «Виннипег фри пресс», «Батон-Руж эдвокейт» и «Сент-Питерсберг (который во Флориде) таймс».

Если вы решите их напечатать, очень прошу вас прислать мне соответствующий номер «Крокодила». Искренне надеюсь, что к тому времени я не буду захвачен в плен канадскими оккупационными войсками. Желаю и впредь поддерживать высокий юмористический уровень...»

На какую «канадскую угрозу» намекает автор? Вы поймете это, прочитав один из двух публикуемых нами фельетонов. Но при этом просим не забывать, что уважаемый П. Дж. Гладник — юморист.

П. Дж. ГЛАДНИК

ПОЛЗУЧАЯ КАНАДИЗАЦИЯ — УГРОЗА АМЕРИКЕ

Беспечная наша нация, нежась в розовых лучах предзакатного оптимизма, даже не подозревает о той грозной опасности, которая нависла над головами всех американцев. Я имею в виду, конечно, стремительно набирающую силу канадизацию Америки.

С самых первых дней существования Соединенных Штатов пред нами стояла проблема северного колосса. Хотя мало кто об этом догадывался. Мы подвергаемся неприкрытой агрессии, правда, не на полях сражений, а на культурном фронте.

Возьмем средства массовой информации. Канадское влияние выглядит здесь подавляющим. В самых популярных в истории американских телешоу, «Золотое дно» и «Звездный поход», заглавные роли исполняют канадцы Лорн Грин и Уильям Шетнер. Разумеется, играют они стопроцентных американцев... А сатира? Переключите свои телевизоры на другой канал, и вы увидите канадского пародиста по имени Рич Литтл, который бессовестно передразнивает самых знаменитых американцев, включая нашего президента.

Даже ведущий комментатор так называемой «Американской» телевещательной компании (Эй-би-си) Питер Дженнингс — и тот канадец! Его скрипучий канадский акцент терзает наши бедные уши дни и ночи.

А как вам нравится узурпация канадскими кинозвездами лучших ролей в американских фильмах? Половина мужского населения США была влюблена в Мэри Пикфорд, уроженку Торонто. Расчетливый, подлый удар по нашему национальному достоинству был нанесен и тогда, когда роль величайшего американского президента Линкольна в кино исполнил канадец Раймонд Мэсси.

Перейдем теперь к торговле. Вы никогда не задавались вопросом, почему на нашем рынке так много канадского виски и пива? Оказывается, в годы «сухого закона», когда американцы были вынуждены в большинстве своем пробавляться вонючим самогоном из какой-нибудь гнилой брюквы, канадцы извлекали колоссальную прибыль из контрабанды спиртного в США. Их ликеро-водочные заводы работали на всю катушку. Я иногда подозреваю, что сам «сухой закон» суть результат зловещего канадского заговора.

Если вы считаете это недостаточным доказательством финансовой мощи нашего северного соседа, задумайтесь вот над чем: основателем некогда крупнейшей американской монополии «Белл телефон» был... ну, конечно же, Александер Грейам Белл, канадец. Некоторые сбитые с панталыку люди, правда, считают его шотландцем.

Наша национальная репутация пала так низко, что в Южной Америке нас стали называть «североамериканцами». Когда я пытаюсь втолковать своим латиноамериканским друзьям, что мы, американцы, являемся отдельным народом, независимым от Канады, они только сочувственно мне улыбаются. Значит, в их глазах мы — лишь довесок к Канаде!

Стараясь в меру своих сил пресечь опасную тенденцию канадизации Америки, я повсюду прославляю скромные прелести своей страны. Пусть, говорю я, канадские Скалистые горы куда больше американских, но в наших тоже есть свой неброский шарм. Разве Новый Орлеан так уж сильно уступит Монреалю, Денвер — Калгари, а туманный Сиэттл — соседке Виктории?

Мне бы не хотелось, чтобы канадцы рассматривали мои заметки как злобный выпад в свой адрес. Но им пора бы научиться умерять свои империалистические аппетиты.

г. Южный Ванкувер, известный также как Лос-Анджелес.

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ?..

Многие ли знают подлинный смысл, скрывающийся за теми или иными «экзотическими» географическими названиями Америки?

При упоминании Малибу воображение рисует роскошные пляжи, катание на досках — «серфах», виллы и прочие атрибуты красивой жизни... Так вот: в переводе с французского «Малибу» означает всего-навсего «Больную Сову». А вот другая точка на побережье: Бока-Ратон в штате Флорида, в переводе с испанского — «Мышиный рот». Неподалеку, в Луизиане,— «Батон-Руж», или «Красная палка» *(франц.)*. Не схватить ли эту красную палку и не шугануть ли больную сову, а заодно и мышь, чтоб рот не разевала?

Происхождение некоторых географических имен — сущая загадка. Штат Висконсин может, конечно, гордо именовать себя «молочной фермой Америки», но на языке индейцев это название означает «Страну Дикого Риса». Наличие котов в городе Лос Гатос не противоречит законам природы, но вот почему индейцы присвоили кошачье имя озеру Эри (так оно переводится)? Сколько раз бывал на его берегах и ни разу не видел ни одного кота, совершающего заплыв в этих славных водах...

Когда я приезжаю в штат Огайо, не могу не признать, что индейцы знали толк в рекламе. Название штата переводится как «Нечто Великое». Звучит столь привлекательно, что на месте жителей Огайо я бы всерьез подумал о том, чтобы поместить это на номерных знаках автомобилей. Уж куда лучше, чем прозаическое «Пристегните ремни», красовавшееся на их машинах пару лет назад.

Невада *(исп.)* — «укутанная снегом». Вспомним, однако, Лас-Вегас *(«луг» в переводе)* и характер некоторых увеселительных заведений этого региона — и согласимся, что для этого штата, пожалуй, больше подошло бы имя «ничем не укутанная».

Оно и лучше, что мы не знаем, где, по сути дела, мы живем. Многие ли жители Калабасаса с гордостью станут сообщать друзьям, что родом из тыквы *(исп.)*? А обитатели Мантеки вообще должны молить господа, чтобы никто не прознал, что они — люди «сальные».

Вернемся к индейским названиям. В Алабаме, должно быть, в свое время до черта было садовников — ведь это слово означает «Я чищу чащу». Учитывая нынешнее значение штата в финансовой системе страны, следовало бы дать ему более современное имя. Интересно, как будет по-индейски «Я подбиваю бабки»?

Говоря «озеро Тахо», мы фактически говорим «озеро Озеро». Канадцы, вероятно, полагают, что название их страны переводится как «огромная заснеженная земля», но на самом то деле на языке ирокезов «Канада» означает «деревня». Вообще индейцы, пожалуй, уделяли проблемам экологии больше внимания, чем мы думали: Виннипег — это «грязная вода».

Вполне естественно, что первооткрыватели и пионеры, ведя суровую, полную лишений жизнь, мечтали о большом, чистом и светлом. Но дословный перевод дарованных ими тем или иным географическим точкам имен порой может вызвать некоторое моральное затруднение, особенно если наша публикация предназначена для «семейного» журнала. Как быть, например, с «Тетон маунтинз», то есть сися... пардон, грудастыми горами? Ладно, оставим их на совести одиноких франкоязычных скитальцев.

Само название нашего континента — Америка — происходит от имени Америго Веспуччи, итальянского моряка, отправившегося на поиски Нового Света. Какую же благодарность должны мы испытывать по отношению к госпоже Веспуччи! Что если она дала бы своему сыну имя... ну, скажем, Ральф? Ведь сегодня мы жили бы в стране, гордо именующей себя «Соединенными Штатами Ральфа»!

Перевела Е. ПОПОВА.

«В своем рассказе «Материнство» я описал терзания воображаемой советской семьи, переехавшей на жительство в США,— пишет Харли Л. Сакс из Хоутона, штат Мичиган.— Для меня было бы большой честью увидеть свой рассказ в «Крокодиле». Я несколько раз бывал в вашей стране, но в настоящее время нахожусь на пенсии и вряд ли смогу посетить вас вновь. Надеюсь, публикация моего рассказа послужит лучшему взаимопониманию между нашими народами».

Что же, мы публикуем рассказ Харли Л. Сакса, несмотря на в общем-то весьма приблизительное знание автором реалий сегодняшней жизни в нашей стране.

ХАРЛИ Л. САКС

МАТЕРИНСТВО

Я хочу, чтоб вы меня правильно поняли. Мой английский не очень хорош. Мы с мужем — из рефьюзников. Отказников, по-русски. Уже год мы живем в США. Это прекрасно. Но очень трудно. В Ленинграде мой Владимир был актером. А я — механик по дизелям.

Мне нетрудно было найти работу. В США много богачей. У них яхты, парусные шлюпки. Катера. С дизелями. Я маленькая, сто пятьдесят сантиметров. Могу работать в тесноте. Даже upside down[1]. Или стоя на голове.

У нас есть машина. Каждое утро я еду на работу в гавань. Сильный traffic[2], но очень красиво. У вас красивая страна.

Но Владимиру тяжело. Кому нужен в США советский актер с акцентом? Будь он клоуном, как Попов, это бы ничего. Но он-то играл серьезные роли. Русские — люди большой культуры. Любят театр. Знаете Большой?

В Ленинграде Владимир играл даже Hamlet[3]. А потом, когда мы попросили визу, мы потеряли квартиру. Жили с родителями в тесноте. Нас прорабатывали на профсоюзном собрании, называли хулиганами, антисоветскими сионистами. Четыре года мы ждали, и вот мы здесь. Я работаю, Владимир сидит дома, в New Jersey[4], смотрит телевизор и учит английский.

Потом у нас родился сын. Мы его назвали Charlie[5]. Прекрасное американское имя. Я вышла на работу, а с Чарли сидит Владимир.

Бедный Владимир! Сначала был актером. Потом стал рефьюзником. Потом иммигрантом. Теперь что — кухаркой? Он, конечно, может сварить яйцо, или пожарить хлеб, или почистить картошку. Но все-таки роль housewife[6] — не для него.

---

[1] Вверх ногами *(англ.)*.
[2] Уличное движение *(англ.)*.
[3] Гамлет.
[4] Нью-Джерси *(штат)*.
[5] Чарли.
[6] Домохозяйка *(англ.)*.

См. стр. 14. ▶

ОТ НАШИХ АМЕРИКАНСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

МАТЕРИНСТВО

▶ Со стр. 13.

— Кто я? — спрашивает Владимир.— Был узником совести, а теперь — узник в собственной квартире. Я что, мать?

Я говорю:

— Используй метод Станиславского! Ну, вообрази, что ты и есть мать.

— Ну да,— говорит он.— А ты — муж? Смотри, не сделай мне еще ребенка. Я, наверное, сойду с ума.

— Даже у Шекспира мужчины играли женские роли,— говорю я.— Представь, что это театр.

— Я уже чувствую себя Офелией,— отвечает Владимир.— Она тоже была не в себе.

Тут он расстегивает рубашку и делает вид, будто кормит Чарли грудью.

— В левой,— говорит,— водка.

Я смеюсь, но Владимир плачет. Чарли тоже начинает реветь. А за ним и я... Легко ли советскому мужчине приехать в США и стать матерью?! Может, лучше было нам оставаться в Ленинграде...

Прошло несколько дней. И вдруг Владимир заявляет:

— Метод Станиславского работает! У меня появилось молоко.

Я говорю:

— Это что, joke[7]? Не валяй дурака.

И вдруг вижу на его груди каплю молока. И понимаю, что схожу с ума.

— Может, тебе показаться врачу?

— Я просто вжился в роль,— отвечает Владимир.

— А если тебе дадут роль ангела, ты что, полетишь? У тебя вырастут крылья?

Я снова плачу. Я подхожу к зеркалу и смотрю, не растут ли у меня усы. Владимир готовит на кухне спагетти. Господи, что с нами происходит?

В один прекрасный день я узнаю, что театру в Ньюарке требуется manager[8].

— Ты сможешь работать в театре как manager? — интересуюсь я у Владимира.

— Если уж я вошел в роль матери, то как-нибудь справлюсь и с ролью менеджера,— отвечает он.

Итак, днем я работаю в порту. По вечерам Владимир ходит в театр. Он бросил кормить Чарли грудью.

— Слушай, это был trick[9], да? С молоком? — спросила я его както.

— Хочешь выведать все мои секреты? — прищурился он.

— Знаешь, все-таки лучше, чтобы я была матерью, а ты — отцом,— заключила я.

— Давай тогда заведем девочку. Назовем ее Наташей.

Наташа. Прекрасное русское имя. Может, я смогу сидеть с ней дома, а Владимир выучит английский и получит job[10] на телевидении?

Когда мы оформляли визу, я и не подозревала, как трудно жить в Соединенных Штатах!

Перевела О. ЩЕРБАКОВА.

[7] Шутка *(англ.)*.
[8] Менеджер, импресарио *(англ.)*.
[9] Трюк, фокус *(англ.)*.
[10] Работа *(англ.)*.

Еще одно письмо, на сей раз написанное по-русски, мы воспроизводим, сохраняя орфографию подлинника. К сожалению, ввиду отсутствия в нашей типографии ятей, наборщики были вынуждены заменить их твердыми знаками.

«М. Г. Г. Редакторъ,

конечно, Ваши корреспонденты въ США слъдятъ за прессой, но врядъ ли имъ попадаютъ в руки газеты провинцiальныхъ американскихъ городковъ, такихъ, какъ нашъ М. (населенiе около 30 тысячъ), — а въ нихъ бываетъ много интереснаго.

Я давно уже выръзаю изъ нашей газеты статьи, особенно письма въ редакцiю. Посылаю Вамъ для ознакомленiя нъсколько образцовъ. Надъюсь, они Вамъ понравятся. Если такъ, то я смогу послать Вамъ больше. Только прошу не упоминать моего имени въ Вашемъ журналъ.

P.S. Журналъ Вашъ сюда доходить плохо, посему не откажите въ любезности, если помъстите въ немъ что-либо, касающееся настоящаго письма или выръзокъ, послать мнъ одинъ экземпляръ по почтъ».

Одна из присланных вырезок действительно показалась нам забавной. Мы публикуем ее и, конечно же, высылаем нашему корреспонденту номер «Крокодила».

ПУСТЬ ПОСЛЕДНИЙ БУДЕТ ПЕРВЫМ

Поскольку ясно, что подавляющее большинство наших сограждан от избытка ума не страдают, почему бы нам не избирать президентом того кандидата, который наберет наименьшее число голосов? Возможно, именно эти голоса будут принадлежать умственно развитой части населения.

Подумайте о преимуществах! Самые достойные люди смогут выдвинуться в президенты. Кандидаты будут говорить о себе чистую правду, ибо, как известно, ничто иное так не способствует потере голосов. В политических программах будут осуждаться разного рода дорогостоящие проекты, используемые сегодня в основном для привлечения избирателей. Ни одному политику не придет в голову целовать наших детишек, которые, таким образом, получат возможность вести более здоровый образ жизни.

Быть может, это элитарная идея, но я никогда не считал себя популистом.

Е. Р. КЛОВИС, Калифорния.

КАРИКАТУРИСТ ИЩЕТ ДРУГА

Вот и последнее письмо, составляющее нашу подборку. Приводим его целиком:

«Дорогие редакторы КРОКОДИЛА,

Я бы очень хотел переписываться с кем-нибудь в Советском Союзе, желательно моего возраста и круга занятий. Мне 26 лет, я — карикатурист и начинающий фотограф, живу в американском штате Пенсильвания.

С нетерпением буду ждать известий о жизни в Советском Союзе, его искусстве и истории из первых рук — через личный контакт с художником (карикатуристом) и членом партии. Если кому-нибудь будет интересно, мы могли бы даже обмениваться рисунками и фотографиями. Я не могу ни говорить, ни писать по-русски, но, может, научусь немного, если мне помогут. Надеюсь получить от кого-нибудь письмо в недалеком будущем.

Искренне Ваш Дэйв БАЛДИНГЕР».

В качестве образца своего «творческого почерка» Дэйв прислал нам наброски из своего блокнота.

А вот его адрес:
DAVE BALDINGER
408 N. Pennsylvania Ave.
Greensburg, Pa.
15601 USA

Свенссон играл в гольф.

— Черт побери! Опять промахнулся! — чертыхался он, когда ему не везло.

— Нельзя так выражаться. Господь услышит и поразит вас молнией небесной! — назидательно произнес случившийся рядом пастор.

И впрямь сверкнула молния и поразила... пастора.

— Черт побери! Промахнулся! — раздалось с небес...

●

Доктор:

— Спиртное употребляете?

Пациент:

— Нет, только по высокоторжественным случаям.

— А что вы считаете такими случаями?

— Когда у меня есть что выпить!

●

— Я больше не в состоянии жить со Стеном, — всхлипывая, жалуется своей мамаше новобрачная. — Он заставляет меня нервничать из-за каждого пустяка, и я худею прямо на глазах!

— Бедное дитя, немедленно уходи от него!

— И уйду, как только он доведет меня до 80 килограммов...

●

— Сколько я должен запросить в редакции за заказанный мне памфлет? — спросил у знаменитого канадского юмориста Стивена Ликока его провинциальный коллега.

— Все, что у них есть, Джо, но ни цента больше.

●

Женщина в ночное время идет мимо кладбища и вдруг замечает какого-то человека.

— Извините, — говорит она, — можно пойти вместе с вами, мне страшно.

— Конечно же, мэм.

— Искренне вам благодарна! А вы сами-то не боитесь в ночное время ходить по этим местам?

— Боялся, покуда был жив...

●

В программу ЭВМ включили вопрос:

— Все ли грибы может есть человек?

Она ответила:

— Все, но некоторые из них только однажды.

●

Главный хирург спрашивает у запыхавшегося больного:

— Почему вы убежали из операционного зала?

— Потому что сестра сказала: «Прошу без паники! Операция аппендицита самая легкая...»

— Ну и что? Это действительно так!

— Да, так. Но она сказала это не мне, а тому молодому хирургу со скальпелем!

●

Учительница задала сочинение на тему «Что бы я сделал, если бы получил миллион?» Через полчаса один малыш поднялся с места и подошел к ней, держа в руках два листка с какими-то расчетами.

— Простите, фрекен, — сказал он,— а нельзя ли добавить еще 100 тысяч?

●

У одного фермера сгорел амбар. Страховой агент ему сообщил, что вместо денег по страховому полису ему заново отстроят амбар.

— Раз у вас такая практика, — сказал фермер, — то я аннулирую страховку моей жены.

●

— Почему вы спорите с клиентом? Неужели не знаете, что клиент всегда прав?

— Знаю, конечно! Но этот утверждает, что он не прав!

(«Биллед бладет», Дания, «Ви», Швеция, «Стыршел», Болгария, «Ридерз дайджест», США).

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!..

Евгений СВЕТЛАНОВ

Задор борца, талант творца
Видны в чертах его лица,
И это не его вина,
Что нам видна его спина!

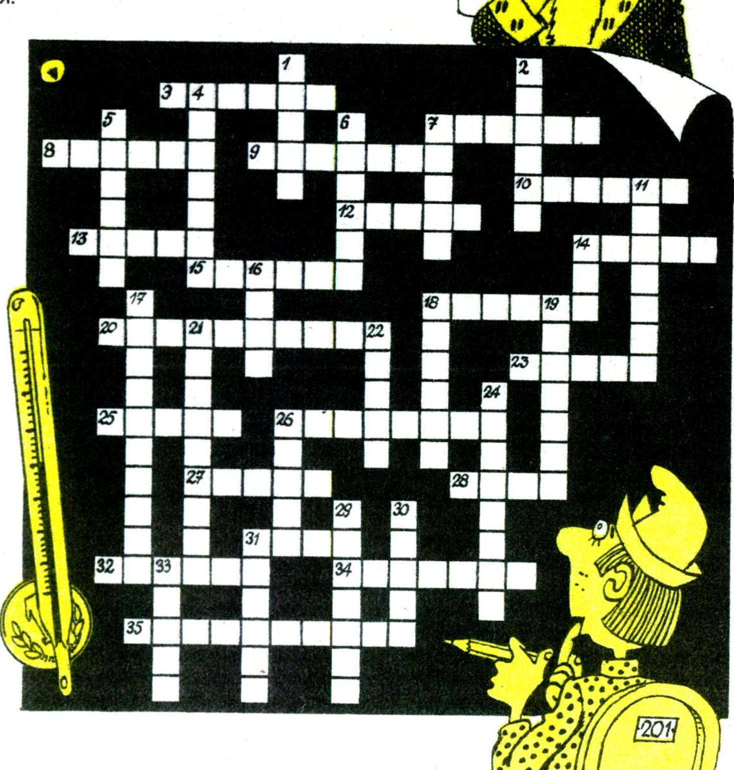
А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.
Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Композитор, который любил вальсифицировать. 7. Рыбка, склонная к идеализму *(лит.)* 8. Жгучая часть речи *(поэтич.)*. 9. Тридевятая государственная формация. 10. Цивилизованное жилище для обладателей птичьих прав. 12. Сторона монеты с достоинством. 13. Кресло, попавшее в театр. 14. Кошкин дом *(переносн.)*. 15. Срок, данный Емеле. 18. Прикрытие стряпухи. 20. Устройство, работающее с ветерком. 23. Пляж врассыпную. 25. Юбочка, из-за которой разбиваются сердца китобоев. 26. Средство передвижения на глубинке. 27. Видимость видимости. 28. Наша прибыльная часть *(поговорк.)*. 31. История, в которой замешаны Форсайты. 32. Административный шлагбаум. 34. Врач, который не вышел из детского возраста. 35. Человек, на которого находят лунные затмения.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Атмосферное явление, похожее на обман *(песен.)*. 2. Бросовое место. 4. Позвонок *(разговорн.)* 5. Пол, который выкладывается с блеском. 6. Дева в Золотом веке *(мифологич.)*. 7. Самая черная примета. 11. Средствохранилище. 14. Цветок со своей коробочкой. 16. Былое под Полтавой *(лит.)*. 17. Персональный расклад *(банкетн.)*. 18. Богиня, которая привыкла взвешивать свои слова. 19. Книжка, составленная по правилам. 21. Прибор, который находится под градусом. 22. Кустарный музыкальный инструмент *(эстрадн.)*. 24. Прибор, который поднимается до полной ясности. 26. Аттестат автозрелости. 29. Стихийное перекрытие *(гидротехнич.)*. 30. Змей Горыныч в Древней Греции. 31. Бегунок *(орнитологич.)*. 33. Кулинарная съемка.

Составила Н. ЗАРОВСКАЯ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Капкан. 4. Резина. 6. Рог. 8. Драка. 10. Левша. 11. Ведьма. 13. Монах. 14. Топор. 15. Капот. 16. Люлька. 18. Кокос. 20. Маринад. 21. Незнайка. 23. Энциклопедия. 28. День. 30. Зри. 31. Лье. 32. Крошка. 33. Четки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Код. 2. Анархист. 3. Колдун. 4. Репа. 5. Золотник. 7. Тавро. 9. Анна. 11. Верблюд. 12. Манекен. 13. Му. 15. Комбинезон. 17. Леопольд. 19. Сладкоежка. 22. Йод. 23. Эврика. 24. Циклоп. 25. Клюшка. 26. «Ералаш». 27. Индеец. 29. Ночь.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Прислали Л. и А. Кузины, г. Жигулевск.

Прислал О. Глущенко, г. Свердловск.

Уважаемый Крокодил! Я военнослужащий. В одном из последних номеров увидел карикатуру по поводу дедовщины. Давно пора вонзить вилы армейским головотяпам, их тоже хватает.

Я записываю перлы, которые говорят в армии, причем официально. Но сказать, что это белиберда, в армии нельзя, это не гражданка. А жаль, потому что культура иных офицеров хромает на обе ноги. Ты уже лет двадцать почему-то не печатал армейских перлов, а давно пора.

— Старшина! Кто живет в этих тумбочках?! Эти тумбочки в увольнение не пойдут!

— Товарищ прапорщик! Я ношу обмундирование 46-го размера, а мне выдали 54-го.

— А вы подстригитесь, товарищ солдат, и все будет нормально!

— Если бы наши военные строители строили в пустыне Сахаре, они, несомненно, жаловались бы на то, что им не завезли песка!

— Товарищи солдаты! Поднимите головы и посмотрите: прямо над вами находится Полярная звезда.

— Товарищ лейтенант, шапки спадают...

— Ясно. Взвод, два шага назад, шагом марш!

Прислал А. Евтеев, г. Ашхабад.

КАЗУС С ДВОЙНИКАМИ

Уважаемый Крокодил!

В № 7 за 1989 год на стр. 8—9 в картинке «Как хорошо, что теперь открыто можно говорить о сексе» вы поместили мой портрет. Художнику Розе Друкман я не позировала и очень удивлена, где она могла меня видеть. Все друзья и родные (которые читают «Крокодил») говорят мне об этом, показали этот номер. Так как я никому не позировала и не давала согласия на публикацию моего портрета, то прошу компенсировать мне «моральный урон» материальной компенсацией.

С уважением

СОЛЯРИК Галина Прохоровна,
1942 года рождения,
г. Железнодорожный
Московской области.

Дорогая Галина Прохоровна!

Вот как было дело. Журнал задерживался с выпуском, а художница все никак не могла найти в Москве подходящий типаж для рисунка. Не зная, что в Московской области живете Вы, редакция вынуждена была командировать Р. Друкман в село Белокуриха Алтайского края, где, по слухам, обитает много привлекательных женщин. Вот она и нарисовала уроженку тех мест Малярик Гертруду Патрикеевну, 1962 года рождения. Вероятно, вы очень похожи. Возможно даже, Гертруда Патрикеевна является Вашим двойником.

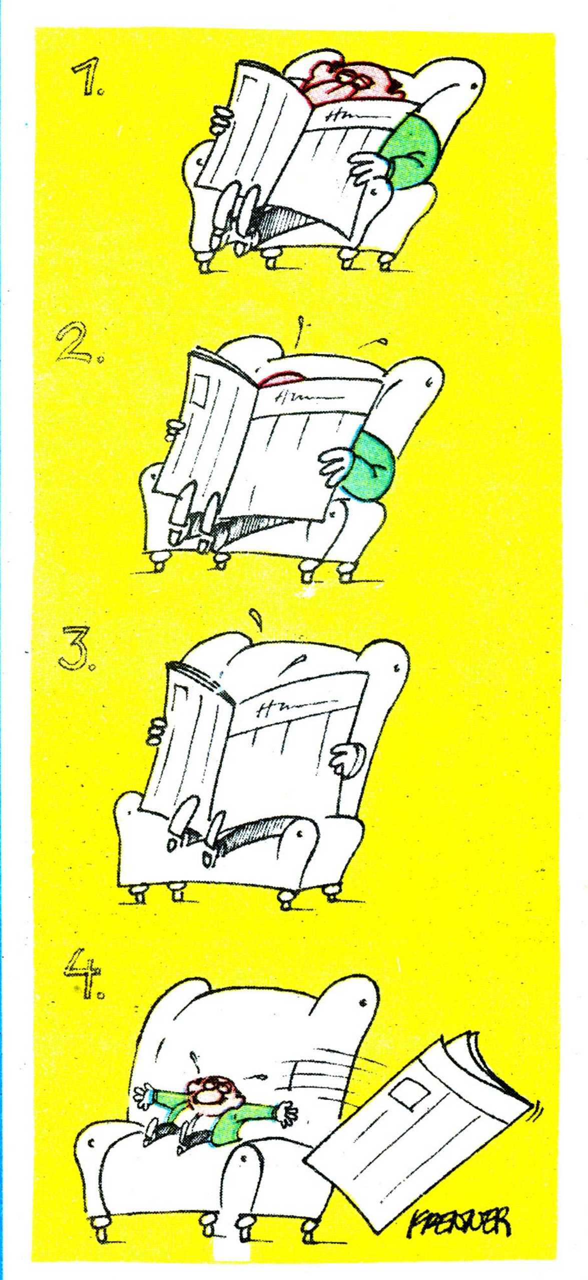
Так что на материальную компенсацию у Вас нет прав. Впрочем, гонорар за публикацию Вашего письма Вам будет выслан. С уважением

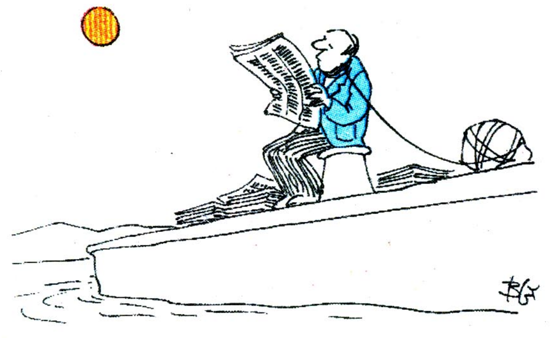
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ «КРОКОДИЛА».

30 коп. Индекс 70448.

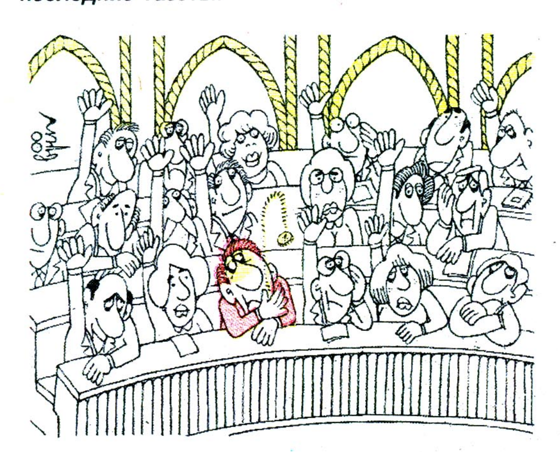
ГЛАСНОСТЬ ПО-ВЕНГЕРСКИ

«Лудаш мати», Венгрия

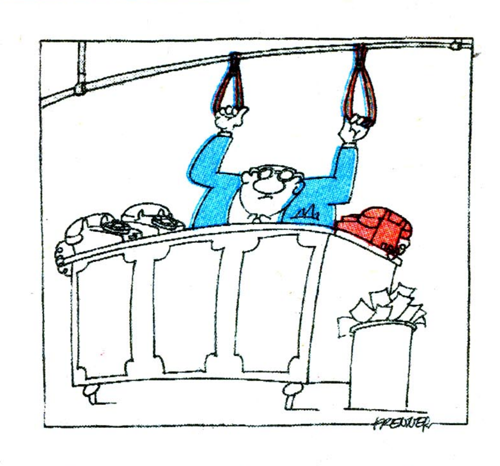

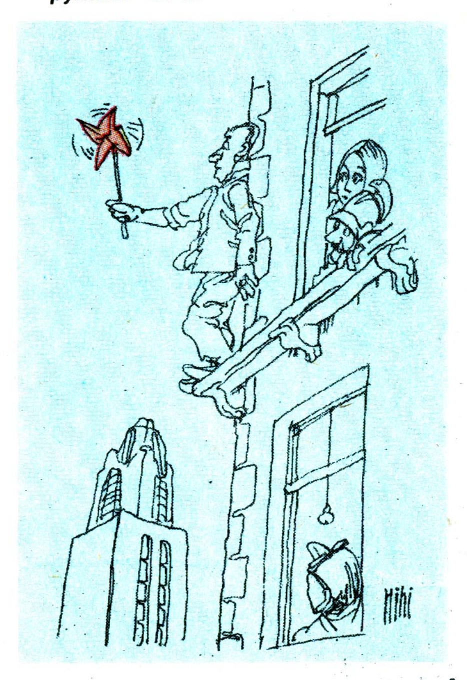
Шел утопиться, но по пути случайно купил последние газеты.

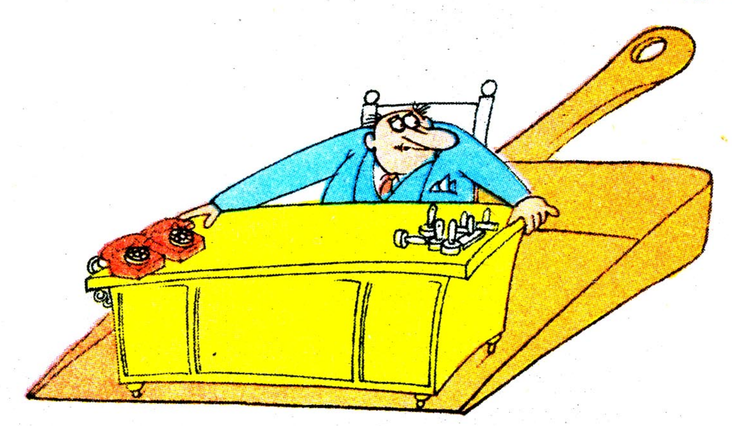
Инструкция нерешительным депутатам.

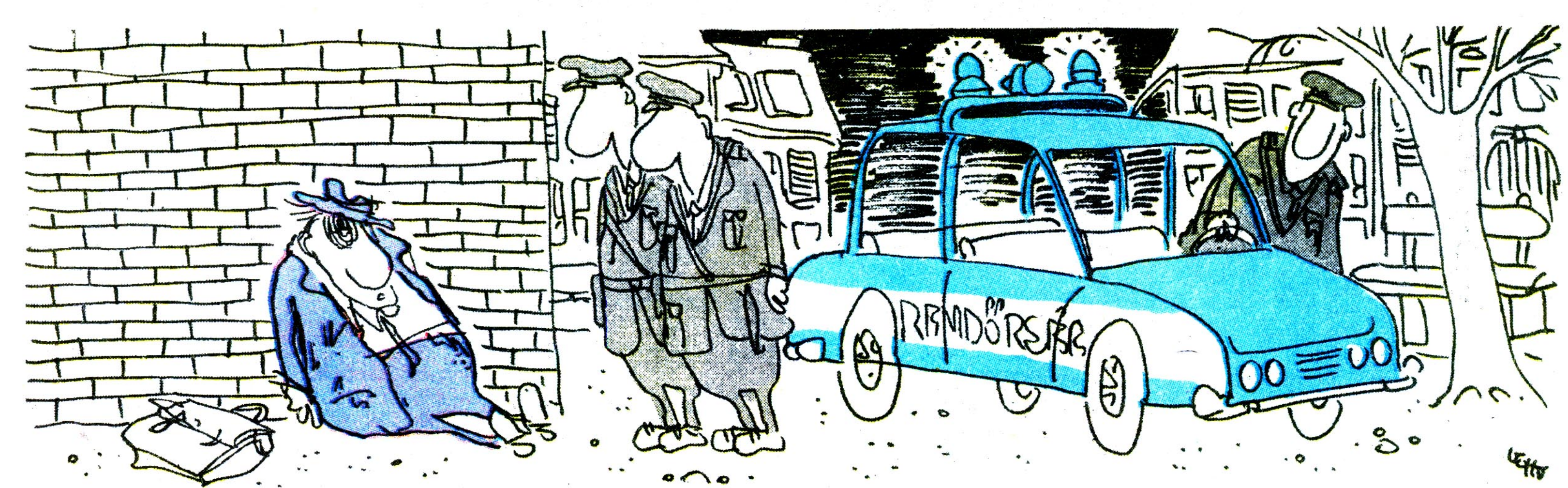
Руководители со стажем — обеими руками «за»!..

— Он не знает, откуда теперь подует ветер.

— С чего это такой солидный человек и напился?
— С горя. Всю жизнь считал, что Сталин — его отец родной, а тут вдруг узнал, что он сирота!